

Схиигумен Митрофан (Мякинин)

29 Ноября 2012

В 1963 году, непродолжительное время, с сентября по январь 1964 г. настоятелем нашего храма был известный подвижник благочестия, человек великой духовной высоты схиигумен Митрофан (Мякинин).

"... Все шли к нему, зная его искусное врачевание немоществующих душою. Сколько любви было у него ко всем, шли к нему со всех сторон, находя у него мудрый ответ; всех принимал сердобольно."

Схимонахиня Леонтия.

Предлагаем вашему вниманию жизнеописание схиигумена Митрофана (Мякинина). В повествовании о нем говорится как об отце Серафиме, так как духовные чада знали его только под этим именем. То, что он пострижен в схиму и с каким именем, узнали только после его смерти. Для всех духовных чад он всегда был любимым батюшкой Серафимом.

Жизнеописание схиигумена Митрофана (Мякинина)

Родился отец Серафим в семье Михаила и Дарьи Мякининых 14 сентября 1902 года в деревне Марьевка Щученского района Воронежской области. Кроме него в семье были дети: Кирилл, Татьяна, Акилина... Как они жили? Имели надел земли, избу, ригу, сарай, из скота — лошадь, корову, свинью. Бедно жили. Но родители были людьми, безусловно, верующими и сумели привить любовь к вере Христовой всем своим детям...

Матушка его, Дарья, на руках носила младенца Никиту в Церковь св. Андрея, Христа ради юродивого, которая находилась от них в четырех верстах, в селе Михайловка. Все как у всех тогда, но есть над всем этим одна тайна — тайна возрастания духовного, тайна ощущения своей предызбранности на служение Богу и людям.

В одном из жизнеописаний преподобного старца Гавриила (Зырянова), духовника преподобномученицы Елизаветы, упоминается такой случай из его детства: пятилетний мальчик видит в небе зажженное паникадило со свечами и оттуда слышит голос: «Ты мой». «Чей это?», — думает мальчонка, а в ответ слышит: «Божий». После этого мальчик бежит мимо соседей, родни и кричит радостно: «Я не ваш! Я не ваш!» «Чей же?», — спрашивают его. «Я Богов, Богов...» И радуется, ну чистый ребенок...

Из жития преподобного Сергия известно, что он не ел материнского молока по средам и пятницам. Все это знаки особого избранничества Божия.

Вот и наш Никита с детства не ел мяса. «Родители его едят мясо, дают ему, трехлетнему, а он отодвигает и не ест. Даже в больницу его мать носила, выясняя вопрос, почему мальчик не ест мяса».

Потом уж, когда немного подрос, повинувшись зову сердца, мчал к Храм один, без родителей. А там стоял, замороженный, у соли, очарованный службой, внимая Слову Божию. Бывало, как услышит звон колокола, вприпрыжку бежит в Храм босой и полураздетый. Жители села, все наперед зная, все же спрашивали: «Куда бежишь, Никитка?» А он в ответ им, звонко так: «Бом-бом!».

Мальчик рано лишился матери, а вместе с тем истинной любви и ласки — мачеха его не баловала. Когда он убежал в церковь, она часто ругала Никиту: «Куда ты опять помчался?!» Но его тяга к дому Божию была так велика, что он находил малейший повод, чтобы ускользнуть: литургия ли служится, венчание ли, отпевание — Никита неизменно старался быть в храме. Именно службы храмовые, церковное чтение и пение — все эти чинопоследования заменили мальчику ту материнскую ласку и любовь, которых он был лишен.

С раннего детства, как и все крестьянские дети, Никита помогал родителям по хозяйству. Однажды, под праздник, еще не успели закончить молотить рожь, а он уже нетерпеливо поглядывает в сторону храма: ждет, когда ударит колокол. Отец заметил это и строго сказал: «Даже не думай, не смотри. Никуда не пойдешь». Но Никита, лишь только начали звонить ко всенощной, стремглав бросился бежать: босиком, в одной рубашонке, подпоясанной веревочкой.

Односельчане заметили, что в детстве Никита почти никогда не играл со своими сверстниками, часто был замкнут, молчалив и не любил излишнего шума и суеты за это его дразнили «попом». Но с некоторыми из детей он все же дружил — чаще всего они играли «в церковь». Девочка Луша (впоследствии монахиня Геронтия) всегда читала и пела, а, как диакон, возглашал.

Однажды, летним днем, он вышел с друзьями на огород, на плечи накинул какую-то старую дырявую шаль, в руки тми подсолнух с перевернутой вниз шляпкой, на манер кадила и стал «кадить» вокруг подсолнухов, распевая: «Паки и паки Господу помолимся».

И с какой бы стороны он не заходил, подсолнухи ложились в его сторону, будто кланяясь. Мальчик испугался насмерть от одной только мысли, что подсолнухи полегли, и будущий урожай пропал. В детской голове промелькнула мысль, что отец не даст ему за это спуска. От страха он убежал, забился в самый глухой угол чердака и просидел там до вечера. Он бы просидел там и дольше, но не слыша в доме никакого переполоха, спустился и скорее отправился на огород посмотреть, что там с подсолнухами — они все стояли прямо. Никита облегченно вздохнул и пошел домой.

Люди замечали в мальчике рассудительность не по годам, уже в детские годы он отличался какой-то особой прозорливостью. Одна из теток батюшки рассказывала, что уже тогда к юному Никите

обращались люди с вопросами о том, как поступать в делах житейских. Одна матушка вспоминала, что Никита с 8 лет собирал иногда старушек и ходил с ними Богу молиться в поле. Когда у нее переспросили: «Собирал сверстников, детей?», — она ответила: «Какие дети, шли старушки, так как все уже знали, что он мальчик Божий».

Образование он получил в сельской приходской школе. Научившись читать и писать по-славянски, начал помогать читать и петь на клиросе.

При присущей Никите с детства внутренней сосредоточенности не лишен он был и чувства юмора. Как-то одна матушка из певчих принялась его учить: «Да ты пой в тон!», а он стал перелистывать книгу, делая вид, что что-то ищет: «А где он — этот тон?»

Когда мальчик повзрослел, его взял к себе в Воронеж родной дядя Максим. Бывало, дядя даст ему денег и скажет: «Сходи в цирк», а Никита берет деньги и идет в церковь. Потом дядя спрашивает: «Ну, был в цирке? Как там? Интересно?». Никита отвечает: «Да, был... Я уже все забыл...».

Уже в те годы Никита очень полюбил читать духовные книги, особенно жития святых. Позже начал посещать снятые места. Киево-Печерская Лавра навсегда покорила сердце юноши, вызывая потом глубокие сердечные переживания при одном только воспоминании о ее духовной мощи и красоте. Там он познакомился с Лаврским монахом Ксенофонтом, будущим схиигуменом Кукшей, преподобным Одесским, почерпнув от него много полезного. До самой своей кончины он был с ним в духовной дружбе — ездил к нему, посылал к старцу своих духовных чад.

Мирская жизнь со своей тщетностью и суетой с детства не привлекала Никиту, и он решил посвятить себя подвигу — монашеству. Он искал в этой жизни — жизни вечной — всего того незыблемого, которое никто и никогда не поколеблет. Приняв решение стать монахом, юноша отправился в Киево-Печерскую Лавру. Но здесь его не приняли, так как уже началось явное гонение на этот монастырь, и Никита поступил в Нило-Столобенскую пустынь послушником. Монастырь этот искони являлся образцом иноческого быта. Находился он на острове на озере Селигер в Тверской губернии. Имел в то время завидное хозяйство: промыслы, рыбные ловли и пр. С усердием юный подвижник стал выполнять все послушания, но радость его была недолгой — монастырь закрыли, а монахи разбрелись кто куда. Никита снова вернулся в Киев.

Много различных скорбей довелось претерпеть ему в это время, но он во всем полагался только на волю Божию, полностью поручив душу свою «в руце Его». Но этот период его жизни дал и неизмеримое богатство — духовную крепость, которая давала силы и надежду в эти годы вынужденной окружающей бездуховности и гонений на все православное.

В Лавре он часто посещал пещеры и молился там у мощей святых угодников печерских, просил помощи и заступничества в нелегкой борьбе с искушениями и страстями. Послушник Никита слезно молил Господа указать ему истинный путь в это смутное время, просил Бога Самому устроить его жизнь, просил терпения в перенесении скорбей.

В Киеве от духовного отца Анатолия Никита принял постриг в монашество с именем Серафим. Предвидя назначение юного монаха, старец благословил его идти в мир, сказав: «Там ты нужен». С кротостью и величайшим смирением исполнил этот завет мудрого старца юный подвижник. В Киеве он познакомился с владыкой Антонием (Абашидзе). Это был мудрый старец, архиерей, живший на покое. Он жил вблизи Киево-Печерской Лавры, и народ ехал к нему за Духовным рассуждением и

наставлениями. Он умер перед войной, но через всю жизнь наш батюшка пронес светлые воспоминания о встречах с владыкой.

Через некоторое время монах Серафим вернулся на родину. Он устроился ктиторм в родную церковь св. Андрея, Христа ради юродивого в Михайловке — стоял за ящиком и продавал свечи. Время было тяжелое — пешком, по разбитым дорогам, в грязь и под палящим солнцем — отцу Серафиму приходилось ходить за свечами в Воронеж, преодолевая с грузом за плечами более ста километров. Но он молился Царице Небесной, прося не оставлять его Своею помощью и заступничеством. По видимому, именно тогда, в долгих переходах, начал овладевать юный монах Серафим тайнами Иисусовой молитвы, которая впоследствии даст ему силы и мужество превозмочь многие трудности этой суровой жизни.

Дома, из-за мачехи, жилось нелегко — ходил постоянно впроголодь, недосыпал, не мог даже отдохнуть. Но добрые люди помогали чем могли. И одна матушка взяла его к себе жить. Впоследствии он всегда с благодарностью вспоминал о ней: «Я ее до гроба не забуду».

Стоя за свечным ящиком в Михайловке, отец Серафим познакомился с монахинями Паисией и Митрофанией, которые, как и большинство монашествующих того времени, после разгона монастырей спасались в миру. Мать Паисия вела очень строгую жизнь — она попала в монастырь восьми лет и с детства впитала в себя дух монастырской жизни, соблюдала все иноческие правила и уставы. Впоследствии она стала келейницей отца Серафима.

Через некоторое время владыка Захарий рукоположил монаха Серафима во священника, произошло это событие в Успенском Адмиралтейском храме г. Воронежа, и направил служить в село Старый Эртиль, в молельный дом. После перевел его в село Малые Ясырки.

Отец Серафим несказанно радовался, что имеет возможность служить у Престола Господня. Именно в это время один высокой жизни старец, отец Иоанн из села Спасова, дал отцу Серафиму такой жизненный наказ: «Спасай души своих пасомых и всех, кто прибегает под твой покров ради Царствия Небесного». Спустя многие годы мы знаем, что исполнил он этот завет безупречно.

Когда он бывал в Воронеже, то ходил на службы в женский монастырь. Однажды во время службы к нему подошла одна блаженная (тот, кто нам рассказывал об этом, помнит ее под именем Феоктиста), сильно ударила его в плечо и спросила: «Еще?» Потом, сама же, чуть выдержав паузу, ответила: «Довольно! — и дала ему три сухаря. Батюшка рассудил, что это неспроста, но истинного смысла слов и «подарка», конечно, еще не осознал в полную меру.

Безбожная власть усиливала гонения на веру и Церковь Христову, и отец Серафим, безусловно, понимал, что и ему неминуемо суждено испить эту чашу страданий и невзгод, как верному сыну Матери Своей — Церкви Христовой. Вернувшись в Малые Ясырки, он рассказал об этом случае и о своих раздумьях матушке Арсении, которая работала при храме. В ту же ночь за батюшкой пришли. Это было 17 июля 1934 года. Мать Арсения с перепуга сообразила, что отец Серафим ночует в колокольне. Впоследствии, вспоминая свое старческое неразумие, матушка Арсения всю оставшуюся жизнь горько плакала, осознавая за собой грех невольного предательства...

Милиция обошлась с батюшкой достаточно мягко. Ему сказали, что его забирают и предложили взять, что захочет. «Самое дорогое я взял с собой», — вспоминал потом отец Серафим, но не говорил, что

именно. Один старый священник, в наше уже Время, когда ему задали вопрос касательно этого места, ответил: «Ну что может быть самое дорогое у служащего священника? Безусловно антиминс. В этом нет никаких сомнений».

При аресте предъявили постановление Усманского О\С НКВД, в котором, в частности, говорилось: 1934 года 17 июля г. Усмань Воронежской области.

Я, оперуполномоченный Усманского оперсектора НКВД Иванов, рассмотрев имеющийся материал в отношении гражданина села Эртиль Мякинина Н. М., и, принимая во внимание, что он достаточно изобличается в том, что входил в состав группы антисоветски настроенных церковников, проводящих активную антиколхозную деятельность и пропаганду среди окружающего населения монархических идей, участвовал на нелегальных сборищах группы и проводил индивидуальную антисоветскую агитацию, ПОСТАНОВИЛ:

Гражданина Мякинина Н. М. привлечь к ответственности по с. 58, мерой пресечения способов уклонения от следствия и суда избрав содержание под стражей в Усманской ФЗИТК.

Постановление мне 17 июля 1934 года объявлено.

Ниже — собственноручная подпись батюшки: Мякинин.

Под следствием он находился более полугода.

Обыскав его келью, оперуполномоченный составил протокол обыска: «... ИЗЪЯТО: разная переписка на 32-х листах, одно письмо, удостоверение одно, указания от архирея на 12 листах».

Выдержки из «Анкеты арестованного»:

«... Мякинин Никита Михайлович.

Родился: 14 сентября 1902 г. в Воронежской обл. Панинского р-на д. Марьевка.

Постоянное место жительства (адрес): с. Малые Ясырки.

Место службы и должность или род занятий: служитель религиозного культа (поп)» (слово «поп» Советская власть использовала как унижительное, стараясь оскорбить им священнослужителей).

Началось так называемое «следствие», а точнее сказать, выполнение постановлений безбожной власти по истреблению священства как класса и тотального истребления Православия. Следователи страстно желали во что бы то ни стало найти со стороны отца Серафима какую-нибудь вину против большевистского режима. Причем законы времени были таковы, что если бы не было найдено улик достоверных, все равно бы судили, на основании мнимого обвинения. Мастаки своих дел уж наверняка что-нибудь да состряпали.

Из «Протокола допроса» от 19 августа 1934 г.

Родители: крестьяне.

Национальность: русский.

Гражданство или подданство: гр-н СССР.

Семейное положение: холост.

Близкие родственники, их адреса, род занятий до революции и в последнее время: отец — Мякинин Михаил, брат — Кирилл 1906 г. р., сестра 25 лет, с Марьевка Панинского р-на. Как до революции так и после занимаются сельским хозяйством.

Имущественное положение (до и после революции, допрашиваемого и его родственников): до революции — земля надельная, изба, рига, сарай, лошадь, корова, свинья; после революции — то же.

Образование: окончил сельскую школу.

Партийность: б/партийный.

Военная обязанность: тылоополченец.

Служба у белых: нет.

Вопрос: «Знаете ли вы в Щученском р-не матушку Анну, именующую себя царицей, и откуда вы ее узнали?».

Ответ: «В марте месяце 1933 года я приехал в село Эртиль Щученского р-на служить священником. Эртильскую церковь в которой я служил, посещают монахини. На Пасху в церковь вместе с ними пришла и странница Анна. От местных монахинь я узнал, что та странница Анна именует себя царицей, женой Николая II. Я лично с Анной ни о чем не говорил и слышал о ней только от монахинь, фамилии и имени которых я не знаю».

Вопрос: «Признаете Вы себя виновным в том, что Вы имели связь с церковно-монархической группой, именовавшей себя вышними членами царской семьи и ведущей подготовку к свержению Советской Власти и срыву всех мероприятий, проводимых Советской властью на селе?».

Ответ: «Виновным себя в предъявленном обвинении не Признаю, членом церковно-монархической группы не состоял, но с членами группы, как-то — Дорофеевой Акулиной, монахиней Анной (по словам монахинь села Эртиль., последняя называла себя царицей), священником Павловым (с которым устраивали объединенную службу в церкви с. Т. Пески с посещением его на дому) связь поддерживал. Посещал я крестьян, как-то — гр-на Лыкова в селе Ясырки, но среди них никакой агитации против советской власти не вел».

10 февраля 1935 года вынесено постановление Особого Совещания при НКВД СССР: «... Мякинина Никиту Михайловича... направить первым отходящим этапом в г. Караганда» в КАРЛАГ с предписанием «взять на особый учет».

Карлаг — это огромная по территории часть Сталинского ГУЛАГА, здесь люди трудились, что называется, на износ, в нечеловеческих условиях. Кругом были казахские степи, из растительности попадались заросли карагача и верблюжьей колючки — этот карагач рубили, корчевали корни. Батюшка очень уставал на этих работах. Ко всему прочему, кормили очень плохо. Заключенные рвали дикий степной лук, заливали его водой, чтобы сошла горечь, а потом ели.

Но упование на милость Господа нашего Иисуса Христа, добровольное предание жизни своей «в руце Его», давало несокрушимую надежду отцу Серафиму, которая так помогла ему в перенесении нечеловеческих страданий. Постоянно творимая им молитва Иисусова давала силы превозмочь все,

однако, внутренняя молитвенная сосредоточенность вызывала со стороны заключенных не только насмешки, но часто и большую злобу. Союзники иногда говорили ему: «Никита, ты похож на попа».

Изнурительная стужа зимой, а в летнее время невыносимый зной, нестерпимый голод приводили к тому, что силы человеческие слабели. Но батюшка только мужественно усиливал молитву, и Господь не оставлял его Своею милостью, подкрепляя и давая сил все превозмочь, все пережить и не сломаться в лагере.

Лагерный быт был невыносим — жестокость начальства, зверства уголовников. Батюшке вначале было очень трудно, но однажды он сказал сам себе: «А чего ты унываешь? Ты в монастыре: начальник лагеря — это игумен, а все заключенные — это монастырская братия и насельники. Сигнал на работу — братия пошла на послушание. Сигнал на обед — братия в трапезную пошла. И стало совсем хорошо». Вспоминают, что батюшка немного юродствовал в то время: подойдет, бывало, к начальнику, распорядителю работ, и скажет: «Отец, благослови». Тот сперва ярился, чуть не с кулаками кидался, а потом смирился и только в ответ головой кивал. Говорят, что с тех пор батюшке и работы стали выпадать немного полегче.

Вот два чуда, произошедшие с батюшкой во время нахождения его в лагере.

Однажды в Прощеное воскресенье, когда он находился за какую-то провинность в камере, совершенно неожиданно ему передали в камеру яйца и хлеб, намазанный маслом. Вот как сам отец Серафим вспоминает этот случай: «Я отбывал тюремное заключение — это было в 1935-м. Наступила масленица — заговение под Великий пост. Находясь в камере, я размышлял: „Вот подходит Великий пост, сейчас заговение. Был бы дома, мы бы по порядку все исполнили, а здесь сидишь, теряешь дни, да еще и заговляться нечем — не в своей воле“. Да еще в сердцах сказал так: „А еще говорят: святитель Николай помогает заключенным! Если бы кто-нибудь знал, что я здесь, то оказали бы помощь...“. И что случилось — в последний день масленицы часовой открывает дверь в камеру и говорит: „Вам передача!“, и получаю посылку. Гляжу: от кого не написано. Спрашиваю подающего: „Кто передал?“ Отвечает: „Сказали передать Вам“. Вот тут-то я понял, что сильно оскорбил угодника Божия святителя Николая. За мое маловерие он послал мне милостыню, чтобы я не сомневался в его попечении о нас». Слезами благодарности отец Серафим славил Бога за явное чудо и молил святителя Николая о прощении своего маловерия, горячо просил святителя не оставлять его, покрывая своим неусыпным заступничеством.

И второй случай явной милости Божией к своему избраннику. Однажды батюшка шел по лесу мокрый и голодный, но, несмотря ни на что, благодарил Господа за то, что жив и с умилением просил Его дать ему сил и терпения, чтобы превозмочь это трудное время подневольного труда и неопишуемых лишений. И вот — о чудо! — прямо на лесной тропинке лежал хлеб — горячий, еще дымящийся, с той хрустящей корочкой и сладким запахом, который бывает только у извлеченного из печи каравая! Со слезами благодарности отец Серафим съел его и после этого целую неделю не ощущал чувства голода.

В ссылке с батюшкой находились и другие священники. Примерно в этих же местах в это время отбывал свой срок заключения преподобный Севастиан Карагандинский, духовной дружбой с которым так дорожил схимонах Иоасаф Грязинский — будущий сомолитвенник отца Серафима. Батюшка однажды сказал, вспоминая лагерное время: «Если есть антиминос освященный, то и на камне можно

обедню служить», — из этого духовные чада заключили, что батюшка взял с собой при обыске, тайно спрятал на себе и пронес через все лагерные испытания «самое ценное», — антиминс, и когда позволяли обстоятельства, то и служил на нем.

После трехлетней ссылки, в 1938 году, отец Серафим был освобожден из заключения.

Батюшка позже вспоминал: «Кругом не было ни одного храма, жить скучно... Но на все воля Божия». Гонения властей на верующих не только не ослабевали, но еще больше ожесточались, а у отца Серафима не было ничего: ни работы, ни документов, ни крова. «Лисы имеют норы, птицы небесные — гнезда», а у батюшки не было никакого земного прибежища: скитался как нищий, пребывал в тяжелых условиях, скорбных обстоятельствах, был в презрении от окружающих и даже своих родных. Никто из родственников его не принял, даже родной брат — страх перед советской властью убивал в людях все человеческое. Такой неестественный страх сковал людей, так что многие предпочли отойти от Церкви Христовой, задушить в себе веру, примириться с окружающим беззаконием, и по причине умножения этого беззакония в людях охладела любовь.

Много пришлось перенести скорбей в это время отцу Серафиму — подступало уныние, душила безысходность, иногда казалось, что уже нет сил все это претерпеть. Чашу страданий батюшка испил сполна. Проводя такую жизнь, он стал подумывать, что лучше уж, наверное, пребывать там, где был прежде — то есть в заключении. Заснул он как-то при таких скорбных мыслях и видит сон. Вот как вспоминал отец Серафим об этом знаменательном сне:

Я оказался в поле, покрытом поспевающим хлебом. Не могу припомнить — рожь или пшеница. И нужно мне было идти мимо сего поля по дороге. Вдруг вижу: навстречу идет подвода — лошадь с повозкой и два каких-то начальника. Они остановили меня. Я испугался. Один из них говорит другому: „Вот он! Его нужно опять взять туда, где был“. А другой отвечает: „Нет, не нужно, пусть он будет здесь, потому что хлеб уже поспевает, а убирать его некому“. Тут я проснулся от сна в сильной тревоге. Я очень испугался... Это было летом 39 года.

Тем же летом с ним произошло еще одно событие, о котором батюшка также оставил свои воспоминания:

5 августа 1939-го мы пошли навестить заключенных. И тут же по пути посетили старенькую монахиню, принеся для нее Святые Дары.

На обратном пути, на перекрестке дорог невиданная сила задерживала нас, не давая идти дальше. Нас было трое. Одна говорит: «Нужно идти прямо». Другая возражает: «Нет, пойдете вправо». Мы друг другу противоречили. Вдруг подошла к нам женщина и спрашивает: «Что вы здесь стоите? Не знаете, по какой дороге вам, идти? Дорогие мои, идите вправо — все будет хорошо, вас встретят». По совету этой женщины мы пошли направо. Дорога была хорошая, приветливая. Пройдя километров 15 по лесу, мы увидели церковь и красивое селение, по улицам которого протекала река. Мы пошли берегом реки и, зайдя в стоящую на берегу маленькую хатенку, спросили разрешения попить. Оказалось, что в этой хатке живут две старушки, которые в тот момент были заняты своей домашней работой. Одной из них около 90 лет, а второй — 65. В просимом нам не отказали. Старшая смотрит на нас и говорит: «Это странники». Мы отвечали ей: «Нет, мы к родным в тюрьму носили передачку и по пути зашли попросить у вас попить». Она продолжает: «Это хорошо, но вид ваш странствующий, — мы были босиком, в простой бедной одежде. — Молодой человек, я хочу у тебя спросить, есть ли где церковь и священники?»

Я отвечаю ей: «В Москве есть. Возможно, еще где-либо есть. Про свободных священников я не знаю, есть ли они сейчас где-нибудь — все скрыто». Вторая говорит: «Зачем ты, маманя, спрашиваешь молодого человека о том?» Она отвечает: «Замолчи, Марфуша, я не с тобою говорю. Спрашиваю его — он должен знать: где-то есть священники. Мне было сказано: „Аннушка, не скорби, к тебе придет священник со Святыми Тайнами и приобщит тебя“, — вот я и говорю ему о том». Я вторично отказываюсь, что не знаю ни одного из батюшек. Она отвечает: «Дорогой мой, ведь я была два раза в святом Иерусалиме... Как мне хочется принять Святых Тайн! Боюсь, умру без покаяния...», — и много-много говорила она полезного. Потом оставила свою домашнюю работу и обратилась к своей послушнице: «Напои их чаем. Они должны остаться на ночлег». Мы не хотели оставаться, но она упростила нас. Утром следующего дня она говорит своей послушнице: «Марфа, покорми их рыбкой, которую я сама на удочку наловила, и напои чаем», — а сама пошла на реку за рыбой. Вставши из-за стола, мы отблагодарили их за теплое приветствие, отслужив литию по их родителям. Младшая говорит старшей: «Маманя, гляди-ка, что есть — это священник у нас!» И старшая, упавши нам в ноги, говорит: «С тобою тут Христос. Напутствуйте меня, ведь мне было сказано: „Аннушка не скорби — получишь желаемое“». И я, недостойнейший иеромонах, по ее искреннему желанию на следующее утро причастил их — они со своими близкими сподобились принять Святые Тайны. А мы, с благодарением ко Господу, что Он, Всемиловитвейший наш Искупитель, исполняет желания своих истинных рабов, отошли восвояси с радостью, что Господь не лишил Своей любви, ведь все это было указание, чтоб мы не отчаивались, истинно веровали в Промысл Божий — пути Его непостижимы. Благодарим Господа. Аминь.

Отцу Серафиму было невыносимо тяжело — он все время опасался властей: монашествующих и священников в то время сильно преследовали. Иногда он тайно приходил в Михайловку. Одна старушка, просфорница Михайловской церкви, вспоминала:

Мой отец с батюшкой Серафимом был дружен. Когда тот приходил до войны в Михайловку с кем-либо из своих повидаться, он тайно у нас останавливался.

Однажды ночью, когда он был у нас, нагрянула с обыском, а тятя отправил отца Серафима на печь, к нам, в ноги. А нас там было мал мала меньше. Мы все затаились. Все перерыли в доме, на печь полезли — видят: дети спокойно спят, и будить не стали. Ничего не нашли. А отец Серафим с раннего утра ушел на ближайшую станцию.

В 1941 году умер отец Батюшки. Рискую снова попасть в тюрьму, отец Серафим приходил на его похороны. Батюшка вспоминал об этом времени: «Было начало войны. В июне месяце 41 г. мы с двумя спутницами пошли навестить старую монахиню и ее сожительниц. Погостив несколько дней, мы отправились в обратную дорогу. Дойдя до знакомых, остались на ночлег. Ночью я стал размышлять, как быть дальше, что делать. И вижу в сонном видении в воздухе надпись: „Обитай в тайне“», — после этого отец Серафим решил уйти в затвор. По доброте душевной приютила его у себя матушка Акилина в своем маленьком домике в селе Курлаки. У нее в хатке была чудотворная икона Божией Матери.

Отец Серафим часто совершал там богослужения, но большее время находился на чердаке или в вырытой под полом яме. Там, в маленькой хатенке, он жил одной лишь молитвой — непрестанно молился за всех родных, знакомых и за мир. Ночи не спал — молился со слезами и поклонами.

Однажды мать Акилина, невольно наблюдая за батюшкой, насчитала две тысячи земных поклонов, которые он положил за ночь. А если и удавалось ему немного вздремнуть ночью, то все равно он рано вставал, чтобы сразу встать на коленопреклоненную молитву, а на недоумение матушки Акилины по поводу ранних своих подъемов отвечал: «Кто рано встает — тому Бог дает, а кто долго валяется — у того Богом отбирается». Только очень духовно близкие люди, несмотря ни на что, посещали в то время отца Серафима. Шли за любовью, теплым словом, а возвращались утешенные, будто побывали на Небесах.

Матушка Нектария рассказывала, как однажды под Пасху она ехала к нему из Воронежа, везла с собой полпуда пшена батюшке на пропитание. В дороге люди часто спрашивали: «Куда едешь?.. Что везешь?..» И милиция проверяла документы. Но матушка Нектария молчала и творила молитву — и добралась благополучно. Когда стемнело, она пришла в дом, где жил батюшка. Там уже было четыре человека, все — чада отца Серафима. Матушка Нектария оказалась пятой. Хатка у матери Акилины была маленькая, но тесноты почему-то не замечалось. Началась пасхальная служба. Окна завесили черными шторами. В комнатке горели свечи, лампада. Было и самодельное паникадило — люстра, сделанная из катушек со вставленными в них свечами. Мать Нектария рассказывала, что такой службы она отроду не видела: казалось, что все стояли на воздухе, потолок раскрылся, куда-то ушел, и будто небеса в своей первозданной красе были над ними, а убогое жилище наполнилось благодатной радостью и светом неувечерним, пение было дивное, будто неземное. Батюшка служил то в одном, то в другом облачении. Перед причастием, волнуясь, со слезами на глазах, он сказал душевную проповедь, а затем все с трепетом приступили к Святым Христовым Тайнам...

Сама хозяйка дома, мать Акилина, пока шла служба, ходила вокруг своего домика и наблюдала, чтобы кто из незваных гостей случайно не зашел.

И вот во время такой «сторожовки» стала она роптать — «как же так они там в такой благодати Божией, литургию служат, поют, наслаждаются, а я тут на морозе стою». Как вдруг над ней хор ангельский запел — «Иже Херувимы...». А как раз в это самое время в доме у матушки Акилины шла служба, и там тоже пели «Иже Херувимы», а ей на улице ангелы пропели. Тогда она все поняла, да давай просить прощение у Матери Божией, мол, прости, что я роптала, глупая...

В условленное время заходит матушка в свою избенку, а батюшка Серафим и говорит ей: «Ну, что ж ты роптала, а на ропот твой Господь послал Саму Пречистую с хором ангельским, вот прилетели к тебе и спели — Иже Херувимы...

Уже в те годы проявился у отца Серафима в полной мере дар прозорливости. По Благодати Божией батюшке было открыто, кто и с какой скорбью к нему придет и даже какие помыслы были у человека в дороге. Пришли однажды к нему духовные чада — Пелагея и Анна. По пути они не ладили между собой, но батюшке ничего не сказали. Началась служба, батюшка стал кадить. Подходит к сестрам и кадит между ними со словами: «Побоялся, убежал! Всю дорогу искушал и тут между вами стоит, искушает». Девчата признались, что в дороге поссорились, попросили прощения. Батюшка сказал, что видел стоявшего между ними беса.

В затворе батюшка написал стихотворение:

Низкая хата в землю вросла,
Густым кустарником вся обросла,
Проходим этот домик вид не давал,
Кто в нем скрывался, Господь охранял.
В этой хатенке Пречистая пребывала всегда
И славные чудеса творила Она,
Радость духовная лилась здесь рекой,
Утешала скорбящих, шедших узкой тропой...

Именно в те годы окончательно и безвозвратно утвердилась в сердце батюшки мысль, что единственная цель его жизненного, земного существования — есть служение людям. Истинный пастырь душу свою за овец своих полагает.

В затворе батюшке являлись усопшие, то есть души людей, которых в те времена не проводили в мир иной по православному обряду, с просьбой отслужить по ним панихиду и помолиться за них. Называли свои имена и указывали места своего погребения. Те, по ком он служил, больше ему не являлись.

Часто приходил наяву диавол, укоряя батюшку за то, что он молится за людей, которые при жизни служили сатане. Бесы грозили батюшке, хотели прогнать его из затвора, даже мать Акилина восстала против него... Отце Серафиму пришлось перейти в другое место.

Когда батюшка еще работал в Михайловском храме, там он узнал монахинь Паисию и Мефодию. И вот они начали искать ему убежище. В Больших Ясырках жила вдова бывшего местного председателя Ирина Ивановна — к ней и послали селяне ищущих приют монахинь. Муж Ирины при жизни был яростный безбожник: громил церкви, жег иконы, раскулачивал селян. Но сама Ирина Ивановна была женщиной глубоко и истинно верующей. Она с любовью приютила матушек. Тайно, ночами, под полами хаты, послушницами схимонахини Михаила (великой старицы) был выкопан и обустроен небольшой погребок, в котором впоследствии поселился отец Серафим. И там за живых и усопших полилась неусыпная молитва и начали твориться чудеса, во славу Божию.

Домик матушки Ирины располагался над прудом. У заботливой хозяйки был кот. Батюшка вспоминал: «Это было в 44 г. в неделю страстную. Когда я находился в затворе, со мною в помещении жил кот, который ко мне очень дружелюбно и ласково относился. Я часто его кормил. Однажды, когда он ласкался ко мне, я ему запросто сказал: „Вот я тебя питаю, то есть кормлю, а когда буду старенький, ты должен меня кормить“. Котик выслушал все и под Святую Пасху, начиная с Чистого Четверга, Пятницу и Великую Субботу приносил живую рыбу весом по килограмму. Наносил на всю Святую неделю. Многие мои посетители видели и кушали промыслом Божиим поданное». Батюшка рассказывал потом своим чадам: «Принес, а я правило читаю. Так он впереди меня зашел, а рыбка в зубах мотается — вот, мол! Я ему говорю: „Молодец, так давно бы надо“». Если дверь была закрыта, кот лапкой стучался в окно. Но приносимую рыбку умный котик отдавал только батюшке Серафиму, и если матушка пыталась у котика рыбку отнять, то он лапкой ее придавливал и фырчал на матушку

грозно. Свидетелем этого чуда стал и Николай Александрович Овчинников (будущий отец Нектарий) — знаменитый хирург, доцент, ставший впоследствии священником и схимником.

За великий подвиг затворничества и непрестанной молитвы Господь сподобил батюшку быть свидетелем различных чудес: ему являлась Царица Небесная, а однажды в духовном видении ему открылось, как распинали Спасителя — он ясно видел гвозди, молоток, лица, которые были при распятии, слышал стук молотка. Впоследствии он поведал это рабе Божией Агриппине.

Но, увы, враг рода человеческого и здесь не давал покоя подвижнику. Кто-то из соседей донес властям, что у Ирины происходит что-то «неладное», и к ней стала частенько наведываться милиция. «Не знаю. Не видела. Никто не приходил. Никаких попов», — отвечала она. Случилось, ночью, когда батюшка совершал службу вместе с находящимися в доме еще несколькими старенькими матушками, кто-то стал сильно стучать в дверь. Батюшка спрятался в подполе, а матушки расстелили на полу коврики, легли на них и сделали вид, будто спят. Хозяйка побежала открывать. Зашел представитель властей:

— Так! В чем дело? Что здесь такое?!

— Да это ко мне бабушки приехали — проведать меня...

— Откуда эти бабушки?!

Старушки все толково ему объяснили.

— А это что у тебя?! — грозно спросил незваный гость, — матушки впопыхах не успели спрятать батюшкиной ризы, она осталась лежать на самом видном месте! Но Ирина тут же нашлась:

— О, да вы что — не знали моего? Он, будучи председателем, ходил и громил все. Вот, я и нажилась, риз набрала — теперь распарываю, детишкам на платья перешиваю...

И благодаря заступничеству Божией Матери и находчивости хозяйки в ту ночь никого не тронули.

Утром отец Серафим подошел к иконе Матери Божией и, припав к ней, стал слезно благодарить Ее. Вдруг образ ожил, и батюшка наяву увидел Царицу Небесную, Которая сказала ему: «Не скорби, отец Серафим, Я всегда с тобой».

Несомненную надежду и упование на заступничество Матери Божией приобрел отец Серафим в то утро.

Батюшка не боялся нести слово Божие, этот свет невечерний, всем страждущим людям, верным чадам Церкви Христовой. Отец Серафим стал ночью ходить в Пады — служил там у знакомых монахинь (у матушки Александры, которая впоследствии стала схимонахиней Кукшей, и у матушки Пелагеи). Ходил, бывало, и в женской одежде, чтобы никто не обратил внимания на незнакомого мужчину. Кроме Падов, проводывал близких ему по духу людей и в других селах, за 10 и более километров. Служил у них литургию. Рассказывают, что раба Божия Евдокия оставляла ему в камышах корыто (на лодке было бы слишком заметно), и батюшка в сумерках переплывал к ней на другой берег, служил ночью в ее доме литургию, а под утро, переплыв на том же корыте обратно,

отправлялся к себе. Иногда он навещал матушку Михаилу, жившую в Талицком Чамлыке, и других стариц и старцев, с которыми был в тесной духовной дружбе. Ходил он в основном ночью — зимой и летом. «Бурьян, снег, грязь по пояс, но он ходил непрестанно, — вспоминали много лет спустя духовные дети. — Шел то полем, то вдоль речки...»

Все же отцу Серафиму пришлось перебираться из Ясырок в Пады. Нельзя было слишком долгое время привлекать внимание властей, время требовало чрезвычайной осторожности. Там он тоже жил в подполе. В углу хаты, как это часто делали в деревне, хозяйка поставила маленького теленка — как раз в том месте, где на полу была дверца в подпол, чтобы та не сильно бросалась в глаза. И если к матушке приезжали родственники, то батюшка по несколько дней не видел белого света и, естественно, не вкушал никакой пищи.

В Падах батюшке тоже доводилось служить литургию ночами, и это было для него поистине великим утешением.

Происходили иногда и забавные случаи. На одной из служб около печки посадили раздувать уголь для кадила маленькую девочку Любашу. В один из моментов службы батюшка зовет своего «пономаренка»: «Любашка, давай кадило!». Она вылезает вся в золе, чумазая до невозможности, почти негритенок! Все матушки дружно заулыбались: «Глянь, Любашка на кого похожа!».

Живя в Падах, батюшка часто задумывался о том, как жить дальше. Ему крайне необходим был духовный совет.

Время не сохранило истинных обстоятельств небезопасной поездки батюшки Серафима со своей будущей келейницей — матерью Паисией к старцу Иоанну в Грибановку. Но мы знаем, что мудрый старец, побеседовав с батюшкой Серафимом, сказал: «Мантия пошла в мир. Иди, набирай духовных чад». Когда батюшка вышел от старца и передал эти слова матери Паисии, та чуть не упала в обморок от страха: она была монастырская матушка и вела строгую жизнь — и не могла понять того, как это «мантия может пойти в мир», даже мысль такую не принимала, что можно спастись в миру. Впоследствии мать Паисия находилась все время при батюшке в селе Ячейка, где пекла просфоры, пела на клиросе. Кстати, что удивительно, пела она глубоким красивым басом.

Примерно в это же время произошла встреча отца Серафима со схимонахиней Серафимой — великой мичуринской старицей. Сейчас никто уже и не помнит точно, где и когда эта встреча состоялась. Однако, очевидно, что эти два человека не могли не встретиться. Матушка до разгона монастырей духовно окормлялась у последних старцев Оптиной Пустыни. Будучи замужем и имея детей, была пострижена совершенно таинственным образом. Оптинские старцы нисколько не усомнились в действительности произошедшего и даже пересказывали некоторые подробности случившегося пострига, как будто сами при этом присутствовали.

Неоднократно сподоблялась матушка Серафима посещений Божией Матери в виде Странницы. Схимонахиня Евстратия как-то сказала, что присутствие Странницы было неотъемлемой частью матушкиной жизни. Многие Ее видели, схимонаху Иоасафу Она чудесным образом указала место, где он должен спастись — город Грязи Липецкой области...

Муж схимонахини Серафимы — удивительно кроткий и любвеобильный человек — так и не принял монашества по своему глубочайшему смирению.

Вообще, в это тяжелейшее время была удивительная по своему напряжению и высоте духовная жизнь. Все имело свою реальную цену. Пять великих старцев: отец Серафим, схимонахиня Серафима (Мичуринская), схимонахиня Михаила (в мантии — Митрофания), схимонах Иоасаф (у него на дому в Грязях батюшка очень часто служил литургию) и схимонахиня Антония из Мордово — жили друг у друга в послушании, собирались на духовные советы, окормляли друг друга. Как сказала впоследствии схимонахиня Феодорита: «Не было никакой ревности — ни у старцев, ни у их духовных чад друг ко другу, а была одна любовь». Один маститый протоиерей как-то раз высказал мысль, что пришло время выпустить биографии этих подвижников под одной обложкой: «Вот ведь все никак не можем наладить самого простого христианского общения, а уже ушедшие эти подвижники, спустя десятилетия, светлой памятью о себе как минимум три епархии объединяют».

Пришло время — батюшка Серафим вышел из затвора. По молитвам матушки Серафимы (Мичуринской) и старца Иоанна из села Спасово, Господь послал в помощь добрых людей — рабов Божиих Параскеву и Гавриила из Воронежа, которых все звали просто Паша и Гаврюша. Они прописали батюшку у себя дома. И тогда стараниями добрых людей батюшке был выправлен паспорт, было это в 1949 году.

Батюшка сердечно, от всей души благодарил Пашу и Гаврюшу за помощь. Однажды он пообещал посетить их. Те на радостях купили копченую рыбу, чтобы угостить дорогого батюшку. Но хитрющий хозяйский кот потихоньку стянул рыбу и успел ее обгрызть. Кота, конечно, проучили и выпроводили за калитку. Как ни хороша была рыбка, но к столу ее, конечно, уже было не подать. Только переступив порог, батюшка с улыбкой и легкой иронией произнес: «Пашенька, зачем котика-то побила и выбросила за калитку? Авось селедочку мы бы съели и обгрызенную!»

Когда все необходимые документы были отцом Серафимом уже получены, по просьбе матушки Серафимы Николай Овчинников устроил батюшку сторожем на областную станцию переливания крови в городе Воронеже, где работал главврачом. Впоследствии, имея рядом такого пастыря, Николай Александрович перед операцией всегда тайно благословлялся у батюшки — он на личном опыте убедился, что с его благословения операции всегда проходили успешно.

Чтобы не вызывать подозрений со стороны окружающих, главврач нарочно ругал батюшку при людях то за одно, то за другое. А вечером приходил в сторожку и падал отцу Серафиму в ноги: «Батюшка, простите!», — хотя батюшка сам знал, что ругает его Николай Александрович «для отвода глаз».

Был у них и такой прием. Отец Николай частенько вызывал батюшку к себе в кабинет: «Пригласите ко мне Мякинина!» Лишь только батюшка зайдет: «Вот что: закрывай дверь — давай акафист читать». А работники недоумевали: «И за что он так часто Мякинина пробирает?»

Многих людей возвратил батюшка на путь истинный. Иногда он в назидание своим духовным чадам рассказывал про Феклу, которая работала в больнице в одно время с ним. Жила она раньше в одном из женских монастырей, а когда насельниц разогнали, стала работать в больнице костоправом. Понравился ей один врач. Когда он шел по двору после работы, Фекла подходила к окну второго этажа и смотрела на него. А потом как-то опомнилась и говорит себе: «Фекла-Фекла, что ж ты делаешь?! Ну-ка, иди в туалет, — пришла в туалет. — Видишь, как тут пахнет? Так и от тебя будет

пахнуть. Ведь ты инокиня, а ходишь на мужчину смотреть! Больше на него не заглядывайся!», — и с этих пор она на того врача уже не смотрела, потому что очень боялась греха.

Отец Серафим, работая в больнице, часто тайком ходил в Покровский собор. Изредка, как в далеком детстве, убегал с работы хоть на минутку, иногда долго задерживался и тогда говорил сослуживцам, что стоял в очереди за хлебом. И говорил ведь истинную правду, так как Хлеб Духовный несравнимо выше хлеба насущного.

Многие духовные чада переживали в то время, что редко видят своего любимого духовного наставника.

Духовная дочь батюшки Мария (впоследствии — монахиня Миропия) скорбела, что не видит его и даже не знает, где он находится. Отец Серафим явился ей во сне и велел, чтобы она приехала в Воронеж и искала его «на станции переливания крови», — словосочетание, никогда прежде даже наяву Марией не слышанное. Ее вера батюшкиным словам была так велика, что Мария отправилась в Воронеж, хотя не представляла, где искать отца Серафима. С автовокзала она наугад пошла в Покровский собор. Стоя около одной из икон, она вдруг почувствовала, что кто-то толкнул ее в плечо и сказал: «Я тут, Мария. Молчи, никому ничего не говори! Служба кончится — иди за мною». Отец Серафим стоял с нищими, прося милостыню. После службы Мария, как и было ей велено батюшкой, потихоньку пошла за ним, и он привел ее к себе в сторожку. Радость ее была неопишуемой, она все это время проплакала от счастья.

Божием промыслом, через Николая Овчинникова про отца Серафима узнал владыка Иосиф и дал ему приход в селе Хохлы. Оттуда батюшка писал Паше и Гаврюше: «Встретили прихожане хорошо, ждали меня. Дали одну комнату, но просторную. Все хорошо. Я сыт». Но в Хохлах он прожил совсем мало. Вскоре батюшку перевели в церковь Михаила Архангела в селе Ячейка, где он и прослужил 11 лет. Оттуда он также прислал письмо Паше и Гаврюше, поздравляя их с праздником Благовещения. Это было в 1950 году.

Ячейка — небольшое сельцо на севере Воронежской области. Среди полей и придонских степей — маленький островок зелени. При внешней простоте и неказистости — местечко по-своему очень живописное. Все, кто там когда-либо побывал, всегда вспоминают, что там как-то по особому легко дышится. Посреди села возвышается небольшой деревянный храм в честь Архангела Михаила, выкрашенный голубой, небесного тона краской.

Здесь прошли главные годы пастырских трудов отца Серафима. Он был потом и на других приходах, но церковная жизнь в Ячейке при батюшке вспоминается всеми как нечто совершенно необыкновенное — как Царство Небесное, осуществившееся на земле. Это теперь, во многом трудами отца Серафима, в храме устроен четырехрусный иконостас, везде иконы и необыкновенное для скромного сельского прихода благолепие, а когда батюшка появился здесь первый раз в 1950 году, храм предстал перед глазами разрушенный и оскверненный — поистине «мерзость запустения». Многие годы в нем хранили зерно, мололи комбикорм. Стены были совсем закопченные. Батюшка не мог сдержать слез, когда увидел это. Особенно пострадали пол и стены. Отцу Серафиму вместе с прихожанами пришлось много потрудиться, чтобы все отреставрировать. Тайно от властей, глубокими ночами, при закрытых дверях делали ремонт, писали иконы на стенах. С огромной любовью украшал отец Серафим вверенный ему храм Божий.

Во время довоенных еще гонений произошла в этих местах следующая история. Когда церковь только закрывали, то выбрасывали, крушили и ломали буквально все, но, прежде всего — церковную утварь. Очевидцы рассказывают, когда рубили иконы, чтобы сжечь их в печке, — они словно стонали... Когда они горели — гул шел из печи, словно не дерево горит, и такой раздавался крик, будто человек горит заживо... На какие только нужды не шли в то время иконы. Порог сельской конторы решено было сделать из Голгофы, разрубив на три части (распятого Спасителя, Божию Матерь и Св. Апостола Иоанна Богослова), вот до чего дошел русский народ. Раба Божия Фекла, чтобы не допустить надругательства и святотатства, разломала в своем доме дубовые полаты и принесла со словами: «Делайте порог из этих досок — какая вам разница? А Распятие отдайте мне». Матерь Божию и Иоанна Богослова удалось забрать, а изображение Спасителя завхоз не отдал — сделал из него себе ось(!) на телегу. Некоторое время спустя кто-то напомнил ему о его святотатстве: «Что же ты натворил?! Грех какой! Непростительный!». На это несчастный отвечал: «Если Бог есть, пусть Он меня накажет!», — и тотчас у него pokrивило рот, он потерял сознание и умер...

Когда отец Серафим начал восстанавливать храм, Фекла и Анна, хранившие у себя изображения Матери Божией и Св. Апостола Иоанна Богослова, принесли их батюшке. Распятие, к сожалению, было безвозвратно утрачено, и отец Серафим благословил принести Крест из другого села, церковь в котором власти открывать не собирались. За ним он послал Пелагею и Анну, двух послушниц схимонахини Михаила. Замотав Распятие тряпочками, они повезли его на двух связанных вместе санках — дело было зимой. Сколько же искушений они встретили на своем пути!.. Но молитвами батюшки все обошлось благополучно. Раз остановил их милиционер и велел размотать поклажу. Но, увидев Крест, отпустил.

Когда сестры добрались до дома, их уже встречала матушка Михаила, потом пришел и батюшка Серафим. Решили до времени, пока не восстановят церковь, спрятать Распятие на чердаке. Собрались тащить его наверх, но вдруг матушка Михаила взяла этот крест и одна понесла на чердак, говоря: «Ой, как перышко!». И все услышали, как невидимый хор вдруг запел «Трисвятое!» А вокруг разлилось такое благоухание, что утром сельчане, идя на работу мимо этого дома, недоумевали: «Что такое?! Чем же так дивно пахнет?!», — необыкновенный запах разносился по улице...

Многих трудов, слез и кровавого пота стоило восстановление храма отцу Серафиму. В этом храме батюшка служил очень часто — душа его у Престола утешалась после перенесенных скорбей. Совершал литургию в холодном храме до тех пор, пока его не отремонтировали. В два часа ночи уходил, чтобы совершить проскомидию. Во время всех постов батюшка служил ежедневно.

Во время службы батюшка был строг, особенно, когда читал Евангелие. Взгляд был острый, уверенный, все примечал. Иногда на службе лицо преображалось — многие это замечали. Монахиня Иоасафа видела, как во время пения Символа веры на литургии из Чаши вылетел голубь. Рабы Божий Фекла и Анастасия видели отца Серафима на «Херувимской» стоящим в воздухе. А Феодора и Евдокия рассказывали, что во время батюшкиной службы в алтаре была вспышка и что-то, подобное молнии, вылетело в южные двери храма.

Однажды раба Божия Пелагея пела на клиросе и вдруг увидела, как из Чаши вышел огонь. Она очень испугалась: думала, что-то загорелось. После службы мать Пелагея рассказала про это отцу Серафиму. Он ответил: «Так всегда бывает. Только ты про это никому не рассказывай».

Если духовные чада уезжали по святым местам, батюшка непременно наказывал: «Ты привези мне просфорку, а я посмотрю, как вынуты на ней частички», — по частичкам определял, как священник служит.

Когда батюшка служил у престола, ему многое открывалось. Однажды после литургии он сказал: «Быстро собирайтесь — поедем в Троицкое к моему двоюродному брату». Когда зашли в дом, отец Серафим сурово спросил: «Ну, что, всех выгнал?! Ты мне не давал служить литургию!» Оказывается, в тот день утром брат выгнал из дома собственную мать и сестру, а батюшка прозрел это, находясь в алтаре.

Доброе семя сеял батюшка своими проповедями в сердцах пасомых. Он прежде всего учил, как обрести страх Господень, ибо через это приходит все остальное... Его духовная дочь Пелагея помнит проповедь о смирении: батюшка говорил, что плод смирения — это мир душевный и радость. Смирение — это пристань, где находили себе покой все добрые подвижники, все скорбящие душой, все жаждущие спасения. «Не бойтесь, — говорил отец Серафим, повторяя св. отцов, — потерпеть все для получения смирения, не бойтесь проходить по пустыне уныния, в которой душа как бы все теряет и не в силах двигаться — по этому пути, скорее всего, придешь к смирению и отречению себя...»

Исповедь в храме шла так: одна из матушек читала исповедь отрывками до «прости меня, честный отче», а батюшка стоял в стороне и говорил: «Прощаю и разрешаю. Бог простит». Когда общая исповедь была прочитана, отец Серафим начинал частную.

Одна молодая раба Божия, у которой часто болел желудок, выпила сырое яйцо и поехала в церковь в Ячейку — причащаться. Не знала, видимо, что нужно принимать Святые Тайны строго натощак, или не придавала этому большого значения. Пришла в храм, стала со всеми в ожидании общей исповеди. Батюшка вышел, оглядел толпу и вдруг сказал: «А некоторые выпили яйцо сырое и приехали причащаться!»... Вот так отец Серафим мог обличить, обладая даром прозорливости.

Людская память сохранила нам примеры батюшкиного смирения, которое он проявлял в простой обыденной обстановке.

Отец Серафим в быту был очень нетребователен и чрезвычайно скромнен. Как-то поздним вечером он посетил одну семью, в которой все были его духовными детьми. Они к тому времени уже поужинали, но женщины, конечно, сразу же засуетились, чтобы покормить дорогого батюшку. Теща главы семьи спросила отца Серафима:

— Что Вам приготовить?

— Картошку «толчок», — ответил тот.

Сварили картошку, слили — из отвара супчик приготовили, картошку потолкли, огурцы соленые подали. Батюшка покушал, поблагодарил, не выказав и тени неудовольствия ужином, после этого началась беседа... Наутро, когда отец Серафим уехал, сели завтракать. Решили доесть остатки от батюшкиной трапезы, и оказалось, что вчерашний ужин его был практически несъедобный — все очень пересолено: по ошибке в суматохе картошку посолили два раза. А батюшка смирился и даже вида не подал.

Многие свои подвиги он хранил в глубокой тайне, и только благодаря случаю некоторые из них открылись и были известны его духовным чадам.

Отец Серафим очень мало спал ночью. Схимонахиня Евстратия (одна из келейниц батюшки) уже после его смерти рассказывала, что он тайно клал очень много поклонов — по полторы тысячи и более, носил кирзовые сапоги с деревянными гвоздями внутри. Один раз после дождя батюшка пришел домой с ребр весь мокрый, и ему нужно было вымыть ноги. Снял сапоги, матушка Евстратия взяла их, чтобы поставить сушиться, полезла рукой в сапог и на что-то наткнулась.

— Батюшка, какие гвозди у Вас в сапогах! — изумилась она.

— А кто тебя благословил туда лазить?

— Батюшка, простите... Но какие там гвозди!

— Да какие ты там гвозди нашла? Там ничего нет, а ты какие-то гвозди выдумала!

Когда отец Серафим мыл ноги, он не разрешал, чтобы при этом кто-нибудь присутствовал, все уходило из комнаты.

Батюшка был делателем умной Иисусовой молитвы, она была ему присуща, он жил ею, словно дышал. Даже когда он отдыхал в келье, часто вздыхал и чуть ли не через каждые пять минут вслух повторял: «Господи, Иисусе Христе, Сыне Божий, помилуй мя грешного».

— Я больше не встречала таких людей, как он! — рассказывала схимонахиня Евстратия. — Он Иисусову молитву все время творил, будто не спал. Даже в сонном состоянии читал эту молитву. И когда бы ни проснулся, читал — она у него непрерывная была.

Вот так, творя молитву Иисусову, преодолевал батюшка огромные расстояния, — при этом надо помнить, что он почти всегда ходил пешком, отправляясь на требы или просто проведать своих духовных деток. Был и в Шумиловке, и в Шехмани, и в Мичуринске (когда ходил к матушке Серафиме)... Как-то нес матушкам в Эртиль молоко в бидоне: пока донес, сбилось масло. Он трудился для ближних — отправлялся к больным, страждущим и в села, и в город. Его редко когда можно было долго застать на одном месте: «Только узнаешь, что батюшка куда-то пришел — скорее беги, а то он тотчас же куда-нибудь еще уйдет. Не жалел он себя ни чуточки...»

Молва об отце Серафиме распространялась все дальше и дальше. Число прихожан возрастало. Приезжали из Сибири, Челябинска, Москвы, Ленинграда... Многие стремились увидеть батюшку, получить благословение, наставление, приходили со скорбями, горем, приезжали и душевнобольные, одержимые.

Очень много приезжало людей из Челябинской области, в те годы там было много безбожников. Вспоминает одна из духовных дочерей батюшки Серафима: «Бывало, идет служба, а они приезжают человека 2—3, просят у батюшки какой-нибудь работы, ну он им даст работу — дрова рубить. Они дрова рубят, разденутся по пояс, а все тело в татуировках. Они ведь все были некрещеные, и в основной своей массе бывшие заключенные. Мы у батюшки спрашивали, зачем он их принимает. А он нам и говорит: „Бес их принял, а теперь надо у беса их вырывать, у Бога вымолить, а это задача не из легких“. Вот их сначала приезжало по 2—3 человека, а потом уж и по 20—30 человек. Они оттуда к

нему ехали в Ячейку, и он им всем помогал, чем мог, духовно наставлял и окормлял. Это нелегкое бремя ему помогали нести матушка Митрофания, матушка Серафима (Мичуринская), отец Иосаф (Грязинский). У нашего батюшки столько было трудов, что он ночь никогда не спал. Бывало, приедут (у него была отдельная келья) — он ложится, а сам не спит: лежит и молится. А потом все уснут, а он целую ночь поклоны кладет. А к утру он весь розовый, разомлеет.

Мы ему говорим, почему себя не бережет? А он нам в ответ: „Иному теленочку и ведро пустое покажешь, и он уже бежит. А другому телку ведро хоть с молоком налей, да и его самого туда носом пхай, а он все нос да воротит. Так что ж мне делать, коль за всех надо бороться“.

В основном из Челябинска к нему приезжали бывшие заключенные, так батюшка никем не брезговал, всех принимал, по два часа стоял с человеком на исповеди, каждую душу приводил к глубокому покаянию. Каждого принимал как сына родного...».

Со всех сторон российской земли везли к батюшке Серафиму бесноватых, с надеждой на исцеление.

Бесам тошно было на батюшкиных службах, и бесноватые вопили вовсю. Особенно неистовствовали они во время чтения Евангелия: кричали, грозили, старались напугать. Подбегает однажды к отцу Серафиму больная — босая, растрепанная, с распущенными волосами — пляшет на месте и кричит: «Разорву! Разорву!», — но близко не подходит. Таких случаев было много.

В праздничные дни храм был полон народа. Одержимые кричали на разные голоса — можно было подумать, что в церкви лошади, свиньи и собаки; кто-то бил руками или ногами о пол... Когда батюшка проходил с кадиллом по церкви, они кричали: «Косматый, сжег нас огнем! Разорвал ты нас! Выйдем, выйдем, не мучь нас! Набрал, косматый, полный храм, а мы все равно перетянем их в свой клуб! Подожди, мы одолеем тебя!..» А когда они подходили ко кресту, то кричали: «Не боимся тебя! Не боимся!». Но стоило батюшке глянуть на них строго или показать крест — как они падали и лежали, как мертвые.

Часто приезжала болящая Раиса, молодая женщина. В храме она била руками о пол и кричала: «Зачем ты, Раиса, сюда приезжаешь?! В Москве, в Павловске и других церквях тебе было лучше, чем у этого косматого!»

Батюшка, чтобы не распространялась о нем слава, как о благодатном старце, стараясь скрыть свои дарования, очень часто юродствовал: на месте спокойно не постоит, — то побежит быстро, то назад вернется, что-то скажет, опять отбежит, опять вернется, еще что-то скажет. Придет к кому-нибудь домой — снимет шапку, туда посмотрит, сюда поглядит, а потом вдруг быстро бросит шапку под лавку или под стол и, ничего не сказав, уходит. И какой смысл имел этот приход и эти батюшкины действия, предстояло домысливать самим обитателям.

Однажды отец Серафим сказал своему духовному сыну: «Когда я служу, мне небеса открываются...». И сразу добавил: «Ой, ой! Что это со мной? Ой, плохо, плохо — голова сильно закружилась — аж не могу!», — по обыкновению, он принялся юродствовать, сделал вид, что у него помутился рассудок.

Батюшка юродствовал даже в епархии. Пришел как-то на прием к владыке Сергию (Петрову), впоследствии митрополиту Одесскому, без рясы, в одном стареньком поношенном костюмчике. Потом

вдруг начал бегать туда-сюда, приговаривая: «Ой, я забыл! Я ведь к архиерею пришел! А рясу-то забыл!» Но в епархии уже знали его — побежали, достали батюшке рясу.

Однажды батюшка явился к епископу Сергию как юродивый: засунул с боков изрядно помятый подрясник под пояс как для работы, зашел к владыке и после того, как тот его благословил, вдруг протянул ему для поцелуя свою руку! Потом, как бы спохватившись, сказал: «Ой, владыка, простите меня! Что я натворил-то!»

Владыка, надо сказать, отца Серафима недолюбливал, но в тот раз сам растерялся, даже не нашелся, чем ответить на этот поступок. А через два дня владыку перевели в Одессу. Перед отъездом владыка очень сокрушался, говоря епархиальному секретарю: «Как я отца Серафима недооценивал. Мне про него говорили всякие небылицы, и я им верил. А он высокой духовной жизни отец!»

Бывало, что батюшка, ожидая приема у владыки, расхаживал взад и вперед и обязательно говорил присутствующим что-нибудь для душевной пользы. Женщины, работавшие в епархии, с удовольствием слушали его. Как-то после батюшкиного посещения секретарь отец Александр даже сделал замечание своей жене, матушке Валентине, за то, что она «очень уж прислушивается к отцу Серафиму, хотя у нее есть свои наставники» (имея в виду, конечно, себя). Батюшка, узнав об этом, сказал: «Передайте матушке Валентине, чтобы она поступала, как мудрая пчела, которая носит нектар со всех цветков в свой улей».

В Ячейку к батюшке стекалось очень много народа. Все, кому посчастливилось побывать на его службах, отмечали присутствие необыкновенной благодати. Радость, умиление наполняли душу. А как там пели! У батюшки было два хора, левый состоял исключительно из монашествующих.

Раба Божия Александра, побывав на батюшкиной службе, рассказывала после:

— Началась всенощная. Запели «Благослови, душе моя, Господа». Я не знала, на земле я или на Небе. И до сих пор это в моей душе. Сколько живу — не слышала, чтобы так пели, такого благодатного чувства я нигде больше не имела!..

Когда отец Серафим служил в Ячейке, то народу приезжало и приходило чрезвычайно много, особенно на большие праздники. Было очень торжественно. Помню, перед всенощной в честь преподобного Серафима Саровского — дня Ангела батюшки — отец Серафим вышел из кельи, чтобы идти в церковь, а все выстроились в два ряда от кельи батюшки до самого храма, образовав живой коридор, и запели: «Вьется речка Саровка в пустыни, где отец Серафим обитал...». Певчие там подобрались на диво. Это было так умирительно! Из кельи батюшка вышел собранный, строгий, в рясе, с посохом. А тут все рыдают — смотрю: и он идет весь в слезах. А как хорошо было на сердце — хоть бы минуточку теперь вернуть!..

Когда батюшкина послушница Мария приехала к отцу Кукше, он спросил, сколько людей бывает у отца Серафима. Та ответила, что много. Отец Кукша сказал: «Вот и хорошо, потому что когда много причастников, то много и благодати, а она поддерживает священника».

Батюшка принимал всех, никто не уходил от него без утешения — скорби и страдания исчезали, как и не были. Говорил он мало, быстро, будто суется, только успевай слушать. Скажет слово и убежит. Подбежит — опять скажет. Но эти немногие слова метко характеризовали то, с чем человек приехал.

После разговора с батюшкой люди не шли от него, а летели, как на крыльях. Душу лечил батюшка, возвращал людей к жизни, давал надежду и силы для преодоления житейских трудностей.

Схимонахиня Феодорита вспоминает: «Улетаешь от него, как на крыльях. Бывало, идем и друг перед дружкой хвастаемся: «А я пять раз у батюшки благословение взяла, а я восемь...» и никого не оговорил никогда, хотя все замечал. Поживешь в миру, нагресишь, возвращаешься к батюшке, а он грустно улыбнется и скажет: «Улетели как голубки, а вернулись как поросятки. Ну что ж, давайте мыться...»

Отец Серафим душой чувствовал, где происходит беда. Монахиня Порфирия рассказывала:

— Ехали мы как-то с батюшкой. Он стоял, стоял на остановке и вдруг как побежит! Пробежал дома два, там нашел какого-то человека, которому помощь была нужна... Он провидел, где какие скорби...

Однажды прибыли из района двое проверяющих посмотреть, что это за священник, о котором так много разговоров идет среди людей. Батюшке это было открыто — он выбежал из алтаря и стал суетиться, бегать, шуметь, потом начал ругать одну матушку на клиросе... Приехавшие, посмотрев на это, сказали: «Нам говорили, что он святой, а тут, как видно, больной из Орловки», — и ушли.

В келье у отца Серафима было много икон, день и ночь перед ними горели лампы. Батюшка благословлял своим келейницам, чтобы они обязательно мыли руки перед тем, как заправлять лампаду. Зажигать ее надо было с молитвой: читали «Богородице, Дево, радуйся». От лампадки, опять же с молитвой, растапливали печку. У батюшки были большая икона Матери Божией «Умиление» с висевшей перед ней лампадой — от нее обычно и зажигали.

Каждый день рано поутру сестры, жившие с батюшкой, вычитывали утренние молитвы, полунощницу, три канона и акафисты — Спасителю и Матери Божией — и потом расходились по послушаниям. А матушка Паисия (старшая батюшкина келейница) оставалась вычитывать еще утреню, часы и обедницу, почти всегда вычитывался акафист Николаю Угоднику. Если же был праздник и все сестры стояли в храме на литургии, то утренние молитвы и полунощницу вычитывали в церкви.

Батюшка был наделен от Бога особым даром — он видел сердца человеческие, ему было открыто прошедшее, настоящее и будущее. Примеров этому очень много.

Однажды произошел такой случай. Раба Божия Анисья часто приезжала из Грязей в церковь к отцу Серафиму. Как-то раз она привезла с собой молодого парня Георгия, который хотел получить от батюшки наставления, как спастись. Георгий в то время очень стремился к духовной жизни, много молился, часто ходил в церковь. Батюшка задал ему вопрос:

— Ты пьешь?

— Нет, не пью! — был удивленный ответ.

— А я пью, — сказал батюшка. — Да так пью, что напьюсь и валяюсь на дороге. А потом пью, что попадет: мазут, керосин.

Через некоторое время Георгий запил, стал валяться по дорогам, пить, что ни попадя и, в конце концов, умер пьяный под забором.

Приехала однажды матушка Пелагея в Ячейку на праздник. Батюшка подбегает к ней и спрашивает:

— Приехала?

Отбежал, потом вернулся и говорит:

— А я ездил к владыке жаловаться — баптисты замучили, мешают в церковь ходить, увлекают в свою веру, расхваливают ее... А ты не слушай их, Пелагея!

— Простите, батюшка, ведь это меня баптисты замучили — расхваливают свою веру. А я все забываю Вам рассказать.

Батюшка, когда кого-либо обличал, говорил как бы о себе, но иногда говорил прямо: открывал чьи-то грехи или страсти.

Как-то раз приехали к нему из Почаева четверо монахов, а один из них говорит: «Зачем мы сюда приехали? Тут и святынь нет — ничего! Чего мы тут не видали?» Батюшка в это время служил литургию. Закончил, пришел и, ни к кому не обращаясь, произнес: «А зачем вы сюда приехали? Тут никакой святыни нет, ничего нет». Монах промолчал. Батюшка ему говорит: «Иосиф, а ты женишься». И через неделю тот и вправду женился.

Один мужчина приехал к отцу Серафиму, а батюшка его и спрашивает: «Хорошо в туалете-то водку пить?» Тот упал к нему в ноги: «Батюшка, простите меня!», — стыдись людей, он тайно, чтобы никто не видел, заходил в туалет и там потихонечку выпивал.

Другой молодой человек по благословению батюшки поехал в Почаев и принял там постриг. Когда Почаевский монастырь закрыли, он вернулся в свое село и служил в храме вначале чтецом, затем его рукоположили в сан диакона. Когда ему предложили принять священство и стать иеромонахом, батюшка Серафим не благословил его на это, сказав: «Оставайся монахом, служи диаконом, а священство не получай. И из села не выезжай». Но тот не послушался — принял сан. Потом был возведен в игумена. И вдруг — женился... Прожил с той женщиной совсем немного времени — она его бросила. А он лишился и священства, и монашества. Потом очень скорбел об этом. Жалели и прихожане, что произошло у него искушение, сокрушались: «Он был такой подвижник, молитвенник — такой аскет! Ни за что нельзя было подумать, что с ним могло такое случиться!»

Однажды в Ясырках справляли престольный праздник. Прибыло очень много народу, ждали приезда отца Серафима. Вскоре его привезли на лошади. Люди стали по обеим сторонам, стараясь — кто благословение взять, кто спросить о чем, а кто мечтал услышать благодатное слово: знали уже, что батюшка — великий старец. Тут же в толпе стояла одна видная, статная женщина высокого роста. Она издали спросила у отца Серафима: «Благословите мне читать по усопшим Псалтирь?» Батюшка посмотрел на нее строго и произнес: «Прекрати отбирать молоко у кормящих матерей и у коров! Оставляешь младенцев без молока!». Женщина сразу сникла, присмирела.

Шли с отцом Серафимом как-то раз двое монахов и его келейница. Около Больших Ясырок им нужно было переходить лощину. Один из монахов ее перепрыгнул, батюшка перешел, а второй монах туда-сюда, туда-сюда — и никак! Тогда батюшка Серафим обернулся и говорит ему: «Не монах! Такая маленькая лощинка — и ты не можешь ее перейти, боишься! Бога надо бояться!» И прибавил: «Такие архиереи не бывают!», — а тот втайне очень хотел быть епископом. Но так и не пришлось ему стать архиереем.

За несколько лет вперед старец предсказал матушке Пелагее, что дочь ее Раиса будет монахиней. Раиса хотела пойти в монастырь, но тогда еще работала дояркой, а в то время в колхозе очень трудно было получить справку о выписке. Батюшкины слова и на этот раз сбылись — Раиса скоро стала насельницей Пюхтицкого монастыря. Сейчас она уже монахиня Мелетия.

Однажды подошла к батюшке под благословение духовная его дочь Александра, а он слегка стукнул ее рукой по голове и сказал: — Что ж ты, глупая, сравнила духовную радость с мирской! Ведь какая между Небом и землей разница! Духовная радость, будто молния, сверкнет и всю тебя озарит.

— Простите, — сказала Александра. — Действительно, я однажды подумала: что это за духовная радость? Много пишут о ней, говорят. Неужели, думаю, это та же радость, как и в миру, когда, например, купишь вещь по нраву, когда похвалят тебя или когда оценку хорошую получишь? Спросить — не спросила, так и осталось. Спасибо Вам, что ответили на мой вопрос. Я уж почти и забыла о нем.

Батюшка буквально «слышал» мысли людей. После праздника Пятидесятницы он обычно сам раздавал Троицкую травку прихожанам. Приехала однажды на праздник раба Божия Мария, хотела тоже взять травы из батюшкиных рук, перед ней к отцу Серафиму стояли еще три человека, она расстроилась и подумала: «Вот еще мужичина впереди встал, — она была очень мала ростом, и любой человек чуть выше среднего роста для нее казался громадным, — и мне теперь не достанется травки от батюшки!» А у того в руках оставался совсем небольшой пучок травы. Вдруг батюшка заглянул за плечо мужчины и протянул Марии остававшуюся у него в руках травку! «Ну кто ему подсказал?!», — удивлялась потом она.

Однажды Анастасия и Мария из Курбатова поехали к батюшке в Ячейку. По пути заночевали в Воронеже у знакомых матушек. Те им «посочувствовали»: «Зачем вы едете к отцу Серафиму в такую даль? Молоденькие, мучаетесь... Разве у нас в Покровском соборе хуже владыка служит? Оставайтесь, не ездите!» Девчата посомневались, но, еще раз все обдумав, решили продолжать свой путь в Ячейку: «У нас сердце горело к батюшке! Как на Небо мы к нему ехали!», — вспоминала позже Анастасия. Когда сестры уже подходили к храму в Ячейке, то увидели улыбающегося отца Серафима, встречавшего их на паперти со словами: «Девчата, когда ко мне едете, больше к матушкам не заезжайте, а то они ваши души подстреливают». Они были очень удивлены такой прозорливостью батюшки. Переночевав у него, утром они встали со всеми на молитву. Молились на коленях. Вдруг все увидели, как батюшка подошел к матери Алексии, лег около нее и вытянулся во весь рост.

Потом встал и ушел. Вскоре принесли телеграмму, в которой говорилось, что у матери Алексии умер брат. Сестры ужаснулись.

Мария из Тишановки рассказывала:

— Были у нас соседи. Они старше меня — и все поучали: «Этого не делай, того нельзя, это грех... Собак, — говорили, — держать нельзя — это бесы...». Настраивали меня, чтобы я собаку свою не кормила: «Убей ее! Собака — это бес! Что ты бесов кормишь?!» Раз так сказали, два, три... Мне стало стыдно перед ними — я и перестала ее кормить. И пить не давала. Лето, ей жарко — она прибежит, язык высунет: пить хочет. А я ей ни есть, ни пить не даю — такое на меня затмение нашло. А батюшке про это не говорила... И вот пришли мы однажды к нему, и тут откуда ни возьмись — собака! Я хотела у батюшки что-то спросить, а он полез в карман, смотрит на меня и говорит: «Эх, мое дите! Преподобный Серафим в лесу жил и всех зверьков кормил!», — вынимает из кармана хлебушек и дает собаке. Я не знала, куда деваться — прям хоть ночью беги до своего двора! А когда пришла домой, наварила собаке каши, пить налила и так по сей день кормлю.

Одному молодому человеку по имени Иван батюшка как-то дал послушание съездить в Киев с поручением. Приходит Иван домой и рассказывает об этом жене, а та и говорит: «Раз батюшка посылает, то поезжай. Заодно, может, и шапку там себе посмотришь? А то твоя совсем плохая стала». Собрался Иван в поездку, приходит к батюшке, чтобы взять благословение, а тот ему и говорит: «А я тут подумал: может, самому в Киев съездить? Заодно и шапку там себе посмотрю, а то моя совсем плохая стала».

Людская память сохранила для нас и случаи особой заботливости батюшки Серафима.

Приехали к батюшке издалека на праздник Преображения две женщины. Им очень понравилась служба — было торжественно, умирительно. Одна из них говорит: «Может, останемся до Успения?» Другая отвечает: «Хорошо здесь, но нам надо бы домой». Решили поступить так, как скажет батюшка. А он благословил остаться той женщине, которая хотела ехать домой, а другой, желавшей побыть до Успения, уехать — после оказалось, что у нее умер сын.

Аптекарь Николай Иванович, живший в то время в Мордово, приехал как-то к батюшке. У того лежал на столе нож. Батюшка нож схватил и — будто сует его Николаю в бок:

— Операцию делать.

— Какую операцию, батюшка?!

А через короткий промежуток времени у Николая случился приступ острого аппендицита. После этого было еще две операции.

Не упускал случая старец Серафим, чтобы явно обличить людей в неправедно совершаемых ими поступках, чтобы другим неповадно было.

Его духовная дочь Раиса рассказывала, что ее мать на Господский праздник стирала и полоскала белье в речке. Это было в селе Паршеновка, недалеко от Ячейки. А потом пришла домой и охрипла. Да так, что совсем не могла разговаривать. Евдокия, ее знакомая, посоветовала ей сходить в Ячейскую церковь и объяснить все батюшке. Отец Серафим сказал: «Ох, девка, будешь ты немая до такого-то дня, — и назвал этот день: где-то через год. — А потом придешь, причастишься, закажешь молебен, и Господь тебя простит». И действительно: год она совсем не разговаривала. А в назначенный день причастилась, заказала молебен, пошла после службы домой — и снова смогла говорить.

Недалеко от Ячейки находится село Веселовка, в котором жил старичок Павел. Когда он заболел и слег, родные его приехали за батюшкой, прося причастить и пособоровать дедушку Павла, думая, что тот умирает. Но когда отец Серафим вошел в комнату больного, то сказал ему: «Причащу тебя, а соборовать не буду». И обратился к родным: «Он поживет. Еще работать будет!» Павел выздоровел и, действительно, три года работал строителем, плотником. Но потом он опять заболел и слег. За батюшкой снова приехали. Тут уж он сказал: «Вот теперь причащу и пособорую — ты уже поспел», — через три дня старичок умер. Батюшка соборовал больных, конечно, не только перед их смертью, но в данном случае своим поступком предсказал родственникам кончину Павла.

Человеческая память сохранила для нас случаи тайного и безкорыстного служения батюшки на благо людям.

В Ячейке болел один раб Божий и врачи уже не верили в его выздоровление. Однажды его жена пошла во двор — управляться со скотиной. Возвращается домой — муж спрашивает:

— Ты видела нашего батюшку Серафима? Он только что вышел отсюда.

Она отвечает:

— Нет, не видела.

— Батюшка мне сказал: «Вставай! Хватит тебе лежать-то!»

И действительно, мужчина выздоровел, встал на ноги.

По батюшкиным молитвам при его жизни очень многие получали исцеления. Однажды заболела послушница отца Серафима: приступы, неспадающая температура... Батюшка заметил, что ее нет со всеми, и спросил про нее у матушки Паисии. Та сказала: «Маня заболела». Батюшка подошел к ней, расспросил о самочувствии и ушел. Мария продолжала лежать. Прошло какое-то время. Вдруг батюшка вышел из своей келий, подошел к кровати, на которой лежала Мария, и протянул вперед руку, прикоснувшись к ее больному боку: «Кто тут?» Уже наступили сумерки, и батюшка сделал вид, будто не заметил, что кто-то лежит на кровати. Болезнь стала утихать: «У меня стало постепенно все сходить, сходить, как снег тает», — вспоминала потом исцеленная. На следующее утро Мария уже встала с постели.

В другой раз Мария, не рассчитав своих сил, подняла что-то тяжелое и вновь слегла. Батюшка, узнав об этом, спросил: «Где она?», — подошел к кровати, благословил крестом и дал приложиться к нему больной. Мария выздоровела.

Батюшка Серафим многих страждущих исцелял — и люди, зная присущую ему безкорыстность и нестяжательность, шли и ехали к нему нескончаемым потоком, старались побыть на службе, подойти ко кресту, взять благословение, а если удавалось, то и поговорить. Не требуя ничего взамен, батюшка снискал истинную любовь пасомых. Иным больным и болящим батюшка клал руку на голову, других благословлял крестом, с силой на него нажимая, как бы «запечатывая» благословение. Третьих кропил святой водой. Одну болящую, которая до этого успела побывать в психиатрической больнице в Орловке, просто накормил борщом: «Ну-ка, налейте-ка ей!», — а сам, конечно, молился. После этого ей стало значительно лучше, впоследствии она работала в храме. Очень часто бесноватых он переправлял к матушке Антонии (Овечкиной): «Вот к Анастасии поезжайте, к Анастасии, — так звали матушку в миру, — а потом ко мне приедешь». Побывав у матушки, вернувшись к старцу, люди исцелялись или получали значительное облегчение.

Батюшка Серафим, матушки Антония, Михаила, Серафима, схимонах Иоасаф, как мы уже говорили, действовали как бы вместе и заодно. У них даже не возникало вопроса, кто чьи духовные чада — те спрашивали совета и у батюшки, и у матушек. Жили единой духовной семьей, единым духом, часто друг друга навещая и переписываясь. Если кто-то из послушников вдруг совершал какой-то проступок, старцы собирались на «совет», решая, что делать с провинившейся сестрой или братом. При этом было замечено, что батюшка Серафим и матушка Михаила были построже, а матушки Серафима и

Антония — более мягкими и всегда старались «сгладить ситуацию», воззвать к снисходительности присутствующих, призывая молиться за провинившихся — «Бог даст, они и исправятся». Так или иначе — дело почти всегда решалось миром.

На приходе в Ячейке царила удивительная атмосфера любви и доброты. Об этом — опубликованные здесь воспоминания схимонахини Евстратии. Об отце Серафиме в них упоминается вроде бы вскользь, но они очень красноречиво говорят о том духовном устроении которое царило на приходе, как старцы окормляли сообща своих общих деток.

Матушка Евстратия вспоминает:

Один раз батюшка Митрофан был на службе в храме, а я осталась дома готовить. Стою и переживаю: матушек много приехало, а хлеба у нас нет. Смотрю, приезжает матушка Серафима мичуринская и спрашивает: «Ты что это такая скорбная?». Я в ответ: «Матушка, да сейчас люди придут из церкви, а у нас хлеба нет». Она спрашивает: «А где он у тебя лежит? Пойдем с тобой туда сходим». Подошли, а она: «Ты бы сказала: „Мать Божия, дай нам хлебушка“. Или: „Дай нам картошки“. Или еще чего-нибудь». Только так с ней проговорили, вышли с кухни — несет нам одна раба Божия огромный хлеб! Я говорю: «Ой, матушка, глянь: тут всех можно накормить!» А она: «Ну вот». Потом нам к вечеру столько натаскали хлеба! Я ей: «Матушка, какая радость-то! Сколько хлеба натаскали — полно!» А потом говорю: «Вот я в другой раз выберу хлеб, какой получше, и себе оставлю, а остальное отдам. А потом у меня тот хлеб плесневет». А она отвечает: «Да разве можно так делать?! Ты бы, сколько нужно оставить — оставила, а что потом приносят — раздала. И у тебя бы не пропало ничего».

Однажды была я в Ельце по какому-то поручению отца Серафима и стояла на вокзале. Стою, смотрю: привезли в буфет колбасу. Мне так ее захотелось! Подошла, постояла, посмотрела — хочу колбасы и все! А я была уже одетая — в постриге. Мучилась — мучилась, потом думаю: «Сейчас пойду, куплю сколько-нибудь и съем! И ничего не будет». А потом говорю себе: «Нет, раз нельзя, то нельзя. Антонию Великому захотелось рыбы, так он пожарил, подождал, пока она вся проплесневела, и говорит самому себе: „Ешь, нечистая утроба. Тебе хотелось — ешь!“, — и съел. Так и ты колбасы хочешь. Уходи отсюда!»

Проходит сколько-то времени, матушка Серафима и говорит: «Машутка, давай покаемся с тобой, пока тут батюшка Серафим. Батюшка, ты знаешь, как мне один раз колбасы хотелось съесть!» А я говорю: «Ой, матушка, да это же со мной было!», — и начала ей рассказывать от начала до конца, как все происходило. А она мне: «Ну вот, Машутка. Но ведь ты покаялась? Ведь не купила, не съела». Я отвечаю: «Да нет: я и не купила, и не съела». А отец Серафим только смеивается. Какая прозорливая была матушка! Она же в Мичуринске была, я в Ельце — и она узнала!

Известны случаи чудного Божиего заступничества по молитвам батюшки Серафима. Вот что нам рассказала схимонахиня Николая. Давно работала она кассиром на железнодорожном вокзале. Однажды сидела она на рабочем месте во время перерыва, достала из кассы акафист и начала

читать. Вдруг сзади незаметно подошел начальник вокзала, заглянул ей через плечо и зло сказал: «Ага! Вот Мария Яковлевна чем занимается!» Она изрядно перепугалась и, вернувшись с работы, отправилась скорее, к бабушке. Он обещал помолиться, утешил ее как мог, и по молитвам старца, ее не выгнали с работы. А время было такое, что могли бы и не пощадить. Она рассказывала: «Ну, я думала, что все — работы меня лишат! Но почему-то оставили на месте».

Есть свидетельства, когда по благословию бабушки у людей открывались неожиданно-негаданно различные дарования, которых не было прежде. Раба Божия Александра из Ровенки немного умела читать по-славянски, но не очень уверенно, а потому и негромко. Вдруг отец Серафим ей говорит:

— Саня, ты станешь с бабушкой служить.

Она в недоумении:

— Я не священник — как же я буду служить?

— О, еще как будешь!

И вдруг у нее явилось дарование читать: красиво, громко! Почти 30 лет она прослужила псаломщицей.

Иногда бабушка давал непонятные, на первый взгляд, благословения. Смысл их открывался позднее. Одна раба Божия сказала: «Бабушка, я замуж хочу выходить. Но если благословите — я пойду, а не благословите — не пойду». Бабушка помолчал и ответил: «Благословения Божиего тебе нет... А выйдешь замуж — потом будешь хорошо и спокойно жить». Она подумала, что будет замужем хорошо и спокойно жить. Вышла замуж — через некоторое время разошлась с мужем... А теперь, как она сама говорит, «спокойно и хорошо живу».

Известны случаи, когда люди, обращавшиеся к бабушке, коренным образом меняли свою жизнь.

Подходит однажды к отцу Серафиму женщина с плачем: «Бабушка, меня бросил муж, а у меня двое детей! Что мне делать — не знаю!» Он указал ей на вторую женщину, стоявшую недалеко от них: «Спроси у Веры, что она делала, когда ее бросил супруг». Плачущая женщина подошла и спросила. Вера была в недоумении: «Бабушка, да разве меня бросит муж? Мы с ним живем дружно». А муж ее уже думал, как бы ему уйти в монастырь. Через месяц он действительно тайно уехал от жены в Почаев, а после прислал письмо: «Я в монастыре». Через два года он все же вернулся домой, но задумал принять тайный постриг. Не знал только, как быть с женой, и очень через это скорбел. Однажды приехал к ним отец Серафим и говорит: «Вера, что-то у тебя руки какие-то не прямые. Протяни руку». А когда она протянула, сорвал с нее венчальное кольцо со словами: «Оно тебе не нужно. Мы твоему мужу дадим постриг». Вера сказала: «Тогда и мне давайте», — смирилась. Их обоих постригли...

В селе Сластеновка жила семья, очень близкая бабушке. Случилось у них горе — сын, Николай, застрелился. Все его жалели, никого не мог понять, почему так произошло: парень-то был хороший, ходил к отцу Серафиму, помогал ему... Бабушку просили помолиться за самоубийцу. В то время был очень сильный голод, и бабушка по неизмеримой своей доброте, чтобы помочь нуждающимся, взял предлагаемые родственниками Николая деньги, раздал их голодающим, а сам стал молиться, клал за самоубийцу поклоны. Но вдруг явился ему бес во всем своем безобразном виде и закричал: «Что ты молишься за него?! Он сам застрелился! Он наш! Я прикладывал такие усилия, чтобы он был моим, а

ты хочешь его забрать!.. Ишь ты какой! — за мешок картошки хочешь вырвать его у нас!..», — мать этого парня как раз завозила на двор мешок картошки для батюшки. Никто еще этого не знал, а бесы высказали. Батюшка потом рассказывал: «Если бы я знал, что мне придется пережить, я бы никогда в жизни на это не пошел», — и наставлял всех своих чад, чтобы ни в коем случае за самоубийц не молились.

Батюшка делал все возможное, чтобы отвести горести и несчастья от своих пасомых.

Однажды раба Божия Екатерина, близко знавшая батюшку, приехала к родителям из Воронежа в Ячейку погостить. Перед отъездом она пошла к отцу Серафиму, взять благословение в дорогу. Но он сказал: «Нет благословения на завтра!» Она заволновалась: ей надо было вовремя попасть на работу, да и муж собирался ее встречать. Но батюшка снова сказал: «Нет благословения!» Расстроенная, Екатерина, придя домой, рассказала все матери. Та стала ее успокаивать, говоря, что батюшку надо слушать — он просто так ничего не скажет. Отъезд отложили, и Екатерина не стала собирать сумок в дорогу, а пошла на огороды полоть картошку. С ней помогать отправился родной брат — от роду горбатенький и больной. По дороге он не выдержал и признался Екатерине в своем черном замысле, что уже как два дня он носит в кармане спички: хочет поджечь дом, чтобы все сгорели:

— Они не хотели лечить меня нарочно, чтобы я остался калекой на всю жизнь! — произнес он с глубокой тоской в голосе.

— Как, как только тебе это в голову пришло?! — взволнованно и чуть не плача спросила его сестра.

— Мне тетя Поля так сказала..., — опустив голову, промолвил он.

Долго-долго пришлось, плача, говорить Екатерине, убеждая брата, что дело обстоит совсем не так, что тетя Поля сказала неправду. Рассказывала, как его маленького возили лечить в Воронеж, потом в Красавино... Брат окончательно смягчился и сказал:

— А я, дурак, поверил ей!

Вечером того же дня, едва Екатерина зашла к батюшке, он вдруг произнес: «Поедешь домой завтра».

Прозорливость батюшки Серафима открывала ему многие людские проблемы, он видел их сущность и по возможности старался направить людей по наиболее благоприятным для них путям, и таким образом проявлял о них свою заботу и глубокую сострадательность.

Свекровь Екатерины жила в селе Чамлык и часто посещала отца Серафима. Пищу она вкушала только вечером, мяса не употребляла совсем. К батюшке, чтобы получить благословение, приходила всегда натошак. Как-то она попросила разрешения усугубить воздержание: вкушать молоко только два раза в год — на Пасху и на «красную горку». Но батюшка ответил ей: «Мать, что ты говоришь? Ты еще мясо будешь есть». Та так и ахнула! Но вскоре у нее стало плохо с головой, и она очутилась в психиатрической больнице. Больных там кормили мясом. Батюшке было открыто, что слишком большое воздержание этой рабе Божией бесполезно.

В отношении же соблюдения установленных Церковью постов он был очень строг. Как-то маленькая дочка Екатерины подошла к отцу Серафиму и, наученная родственниками, спросила: «Батюшка, благослови мне молочко постом кушать?» Он ответил: «Нет тебе на это благословения. Пусть твоя старенькая больная бабушка кушает, а ты не ешь — пост».

Были случаи особого предвидения старцем того, что случалось через много лет. Ему благодатью Божией открывалась суть происходящих событий, и он видел далекие последствия тех или иных жизненных ситуаций, происходящих в настоящее время. Матушка Екатерина вспоминала, когда привезли домой ее свекровь, до этого пять лет проведшую на больничной койке в психиатрической больнице, к ним пришел отец Серафим и сказал: «А у нас вот одна сноха целых 15 лет ухаживала за такой больной». Матушка Екатерина поняла, что батюшка под снохой подразумевал ее, и подумала: «Как же я буду ухаживать? Ведь в семье двое детей и никакой помощи», — они с мужем работали по сменам и по очереди присматривали за маленькими сыном и дочкой: пока один из родителей был на смене, другой находился дома. Но батюшке Екатерина ничего не сказала, зная, что его слова всегда имеют особый смысл. И вот свекровь понемногу стала приходить в себя. Сперва ее кормили с ложечки, поднимали на руках, чтобы дать таблетки. Потом она стала подниматься сама, начала выходить на улицу... Так она прожила у них около четырнадцати лет.

Как-то батюшка сказал Екатерине: «Когда тебе будет трудно, ты подходи к святому углу и проси Царицу Небесную, чтобы Она вам помогала». А потом, указав на ее дочурку, предрек: «А это — ваша попечительница до гроба...», — дочь не вышла замуж и вот уже много лет ухаживает за ней. «... А сыночек ваш уедет — потом приедет», — сын вырос, закончил в другом городе институт, отработал по распределению и вернулся к родителям.

Однажды Екатерина спросила отца Серафима:

— Благословите мне кого-нибудь принять на квартиру.

Он быстро ответил:

— Нет, скоро родная сестра к тебе жить переедет.

— Да что Вы, батюшка! У нее там квартира, работа хорошая, с которой ее к тому же не отпускают!

— Приедет, приедет. Как молния прилетит!

Вскоре так и случилось: сестру вдруг неожиданно отпустили с работы, и она переехала к родным.

Рабам Божиим Anne, Пелагее и Валентину батюшка рассказывал видение: «Иду по лугу. Вдруг голос свыше мне говорит: „Ложись“. Я лег вниз лицом, и долго со мной разговаривал чей-то голос». А о чем разговаривал, батюшка не сказал. Валентину же (впоследствии — игумену Варсонофию) батюшка предсказал, что тот будет священником, и заранее подарил ему иерейское облачение.

Батюшка, в первый раз увидев Валентина, когда тот подошел к нему под благословение, сказал ему: «... А ты ко мне приезжай». Валентин начал ездить к нему в Ячейку, стал верным духовным сыном и послушником отца Серафима. Приезжал почти каждый выходной. От Перелешино до Ячейки ему нужно было долго идти пешком, но юношу это не смущало. А батюшка, еще задолго до того, как придет Валентин, уже высматривал его из окна. Лишь только тот появлялся, батюшка выходил из алтаря на паперть встречать Валентина. Он очень его любил и как-то особенно дотошно его испытывал. В одно время, чтобы проверить его послушание, велел ему нигде не работать. Власть была еще советская — парня начали преследовать и соседи, и милиция, и ОБХС, вызывали, приходили домой... Валентин жил, что называется, «на нервах». В очередной раз, приехав к отцу Серафиму, решил: «Все! Скажу батюшке, что больше не могу!» Но тот его так тепло и с любовью встретил, что вся скорбь ушла, как не было. В следующий раз юноша снова решил пожаловаться

батюшке, что жить так больше невозможно, но старец опять его успокоил... Несколько месяцев Валентин «маялся», а потом батюшка благословил его прислуживать в алтаре.

Спустя некоторое время юноша решил поступать в Одесскую семинарию. Собрал документы, подал заявление — его приняли, зачислили. Когда он в очередной раз приехал в Ячейку, схимонахиня Михаила подсказала: «Валентин, скажи батюшке: «Батюшка, как благословишь, так и будет: если благословишь — поеду учиться, не благословишь — не поеду». Он: «Ах, да, конечно! Как батюшка скажет, так и поступлю!». А батюшка не благословил: «Все тут получишь! Все тут!..». За послушание Валентин взял документы назад.

Брату Валентина отец Серафим предсказал: «Лучше бы тебе по монашескому пути пойти. Но если ты все же женишься, то Господь тебе пошлет больную жену — она будет лежать, а ты будешь работать. Но лучше бы тебе не жениться...». Тот не послушал батюшку. Впоследствии все случилось в точности так, как предсказал отец Серафим: жена болела, муж работал.

Послушание и доверие к отцу Серафиму было у Валентина безгранично. Как-то собирается он идти куда-то с батюшкой, матушки осведомляются: «Далеко вы?» Он отвечает: «Не знаю — я у батюшки не спрашивал. Мне он однажды сказал: «Если ты спросишь у меня, то лукавый услышит, будет знать и устроит пакость». Валентин с первого раза это усвоил и с тех пор никогда не спрашивал.

Если кто-нибудь, встретив отца Серафима на дороге, интересовался у него: «Батюшка, ты куда?» Тот отвечал: «Оттуда и туда».

О молитве батюшка говорил Валентину так: «Надо молиться с душой. Когда молитва соединяется с душой, сердцем, тогда и Бог присутствует в нас. А если у меня времени нет, и я буду молиться машинально, „лишь бы отчитаться“, — что толку? А вот когда я молюсь душой, духом, то Он мне все открывает. Горячо надо молиться».

Сестре Валентина было 22 года, когда она вдруг заболела. Заболела тяжело — думала уже, что умрет. Приехала она к батюшке, отстояла литургию, а в конце он вынес крест и говорит: «МалOVERная, ну, совсем собралась умирать!» Народу в храме было много — она подумала: «Ну вот, кто-то еще, наверно, собрался умирать — не я одна». Подходит ко кресту, а батюшка ей: «МалOVERная, ну, совсем собралась умирать!», — и она после этого жила еще долго. Семью Валентина за то, что у них частенько собирались пирующие, очень притесняли соседи: писали в милицию, устраивали скандалы в коммунальной квартире, хотели бы и совсем выселить... Домашние Валентина рассказали об этом батюшке. Однажды он пришел к ним в гости и спросил: «Ну, покажите, где у вас соседская комната». Ему показали. Он перекрестил соседскую дверь большим крестом и сказал: «Они вперед вас уйдут!» И через год-полтора соседям дали отдельную двухкомнатную квартиру. Но прежде, чем переехать, они еще долго возмущались и скандалили, ломались в дверь с криком: «Попы! Монахи!», — выходили из себя, не хотели уходить — хотели во что бы то ни стало выселить семью Валентина.

Сестре Валентина надо было пройти медкомиссию, чтобы оформить инвалидность. Как-то она пожаловалась батюшке: «Помолитесь, а то там одна на меня страшно кричит!», — батюшка обещал помолиться. На следующий день сестра пришла с радостным известием, что на нее уже больше так не кричали и дали ей, наконец, группу инвалидности...

Случаи неподдельной, искренней заботы батюшки Серафима о людях нельзя перечислить. Вот один из них.

Заболела как-то раба Божия, у которой было три дочери. Врачи категорически настаивали на операции. Одна из дочерей, Мария, пошла к отцу Серафиму, чтобы спросить, как он благословит: ложиться ли маме на операцию или нет? «Батюшка, тут вот девочка к тебе пришла», — позвала его матушка Паисия. Он вышел, внимательно посмотрел на Марию, взял ее за плечи и вдруг произнес: «Детонька моя, гляди — за троюродного брата не ходи замуж! Мама-то твоя умница: вытурила „жениха“, — так и надо с ними поступать! Нельзя, детка моя, родственникам жениться до 4-го колена, а то дети их потом наказаны будут! А если не будут дети наказаны, в будущей жизни мужу и жене — ад вечный!» Мария опешила: откуда батюшка мог знать, что накануне ее сватал троюродный брат?! Немного придя в себя, спросила: «Батюшка, а вот маме хотят операцию делать...» Он ответил: «Я напишу записку отцу Николаю (Овчинникову) — вы к нему поедете, и он сделает твоей маме операцию». «Батюшка, да у нас денег нет», — огорчилась Мария. «А он бесплатно сделает. Маме будет хорошо — она останется жива... А ты с женихами будь осторожней».

Та же Мария, став впоследствии духовной дочерью батюшки, неоднократно была свидетельницей прозорливости отца Серафима. Как-то он сказал ей: «Бес возле тебя вертится — такие и такие мысли тебе принес», — и перечислил все помыслы, которые были в то время у Марии.

Жила она в Покровке, а ездила на работу за два километра от своего села — в Сталинское. Вечером в субботу приезжала домой; собиралась и в ночь шла пешком с сестрами к батюшке в Ячейку на службу — 21 километр.

— Утром подходим, — рассказывала она, — уже начинают звонить. Мы: «Слава Тебе, Господи!» У знакомых быстро переоденемся — и на службу. А как домой после службы идти — нам батюшка все предскажет, расскажет, какие предстоят искушения!

Духовные чада батюшки Серафима сохранили в своей памяти случаи, когда, предвидя надвигающиеся на людей беды, батюшка Серафим, немного юродствуя, пытался предупредить людей и уберечь их от надвигающихся опасностей.

Однажды он дал Марии огромный перец. Мария, зная, что лук, чеснок и прочие горькие «приправы» отец Серафим обычно дает к скорбям, стала отказываться. «Ну, как хочешь, — сказал батюшка. — Но бери — не бери, а он твой». Через несколько дней на работе по вине пьяного шофера Мария на всей скорости вылетела из кузова грузового автомобиля, пролежав после этого три месяца в больнице. «Вот тебе и перчик!», — вспоминала потом она.

В другой раз, когда Мария собиралась идти после службы домой, отец Серафим протянул ей громадную луковицу, размером с будильник — и спустя некоторое время ее чуть не затянуло в комбайн, перемалывавший свеклу на силос. Спасла ей жизнь только быстрая реакция комбайнера, который успел вовремя дернуть за рычаг... Приходит Мария к отцу Серафиму, а он встречает ее со словами: «Ну, слава Богу, Маньк! Жива осталась!» Она: «Батюшка, да что же это такое?! Я больше у вас никогда такой гостинец не возьму!» А он в ответ: «И правда: чего это я тебе то перчик, то лук! На вот Спасителя!», — и с тех пор с ней ничего подобного больше не случилось.

Старец никогда не говорил, каким образом Господь открывает ему поступки и помыслы его духовных детей. Иногда скрывал это за мягкой иронией или шуткой. Например, монахине Марии он как-то раз сказал: «Ты на этой неделе вот такой грех совершила, такой грех сделала... Вот такое добро сделала...». Екатерина, сестра Марии, изумилась: «Батюшка, да откуда же ты все знаешь?! Скажи мне». На ее упорные расспросы он сперва отнекивался, пытаясь прикинуться больным на голову, но

Екатерина не отступала и батюшка на ее излишнюю пытливость ответил полушутя: «Когда наступает вечер, ангелы и бесы моих духовных чад приходят ко мне и все рассказывают: ангелы — о добрых делах, а бесы — о злых». — «Батюшка, да как же Вы бесов-то не боитесь?!», — поразилась Екатерина. Батюшка ничего не ответил. Однажды она же увидела, как в алтаре во время службы отец Серафим делал какое-то странное движение, склоняясь у Престола. «Батюшка, чего это Вы там так... ногой?», — спросила она после службы. «Да покинь под престол хотел влезть, а я его выгонял», — нашелся батюшка (бесов он, кстати, называл часто словечком «покинь»).

Отец Серафим предсказал семье Екатерины и Марии, что на них ополчатся соседи, предсказал, что отнимут огород (как раз перед посадкой) — все сбылось.

Кто бы и откуда не приезжал к отцу Серафиму, обязательно находил у него утешение. Старец притягивал к себе людей из различных уголков необъятной России.

Екатерине и Марии отец Серафим дал две иконы и сказал: «Антония и Феодосия — вам, а Воскресшего Спасителя — если откроют Щученскую церковь, то отдайте туда». Истинность слов батюшки показало время. Сейчас в Щученской церкви идет служба.

Много жизненных наставлений давал батюшка Серафим людям, наставлял со смыслом — хотел предостеречь людей от греха. Как-то батюшка сказал Екатерине в назидание: «Катя, кто из ящика (из этого Божиего дома!) возьмет рубль: ад стонет — ждет этого человека!» Она испугалась: «Батюшка, помолись! Помилуй, Господи! Сохрани, Господи, от такого искушения, чтоб из церкви воровать!» Около 30 лет она проработала в храме и не взяла ни копейки, ни до ни после этого случая.

Батюшке иногда была открыта участь людей за гробом, в ином мире. У него служила чтица Катя — полуслепая, косая, больная, но читала очень хорошо. Вдруг за ней стали замечать, что она ходит в сельсовет, думали: докладывает. При жизни ее батюшка не обличал, но когда она умерла, сказал с грустью: «А Катя-то наша у самого сатаны на коленях сидит!»

Увы! Люди по своей гордости или самомнению иногда пренебрегали советами старца.

Одна раба Божия была духовной дочерью отца Серафима, но другой священник стал «перетягивать» ее к себе, предлагал быть своей келейницей. Отец Серафим, узнав об этом, сказал ей: «Когда ты умрешь и придешь на суд, на том свете будут спрашивать: «Чья эта пришла сюда?» И ответят: «Ничейная». Но она, к сожалению, не послушала батюшку...

Еще во времена гонений на Церковь батюшка предсказывал, что храмы и монастыри впоследствии откроются, и говорил: «Да хоть бы они и все храмы закрыли — потом быстрее откроют».

Предсказывал батюшка, что Россию разделят на четыре части. «Некоторые достанутся к хорошим, — говорил он, — им будет хорошо жить. А другим будет тяжело — над ними станут издеваться. Не дай Бог, если кто попадет в ту часть страны, которая достанется Китаю».

Многое было открыто батюшке, он как мог, старался донести это до людей.

В Ячейке жила раба Божия Раиса, которая всегда помогала храму. Однажды батюшка вывел ее на улицу и сказал: «Раиса, запомни: на этом месте будет собор».

А будучи на том кладбище, где сейчас находится его могилка, батюшка произнес: «На этом кладбище со временем откроется трое мощей», — но не сказал, чьих. Местные жители предполагают, что это иерей Петр, человек праведной жизни, на могилу которого ходит много людей; блаженный Ванюшка и сам батюшка. Так или не так — покажет время.

Всю жизнь свою руководствуясь правилом — жить ради людей, отец Серафим спасал и избавлял от гибели многих, умело наставлял на путь спасения, давал надежду в минуты отчаяния... Он всегда помнил о том, что мы должны быть безмерно благодарны Господу за дарование нам этой тихой радости — дышать и жить. За это мы обязаны каждый день благодарить Бога. «Не теряйте мужества, имейте стойкую веру и уповайте непрестанно на Промысел Божий, доверяйте ему и все будет у вас хорошо. Все будет хорошо», — любил повторять мудрый старец.

Выпало на долю рабы Божией Марии испытание, дома случился пожар. Через год умер муж. Осталось семеро детей. Бедность была страшная: есть нечего, надеть нечего. Сама сердечница. Хотела она руки на себя наложить, но пришел батюшка с послушником, утешил, упрекнул за помыслы, помог материально и сказал, чтобы не скорбела: Господь не оставит, все будет хорошо, и дети вырастут примерные. Так и сбылось.

Обладая совершенной нестяжательностью, батюшка Серафим все, что ему приносили духовные дети, раздавал малоимущим, сиротам, вдовам. Одевался чрезвычайно бедно, а на милостыню был очень щедр, делал все это втайне, пряча свои добрые дела от людского глаза. Духовным детям своим непрестанно напоминал, что даже малой милостыней можно оправдаться перед Богом, коль нет возможности делать много больших добрых дел. «Воистину, тот оправдывается перед Богом, кто дает не много, а дает последнее», — так учил и так поступал сам батюшка Серафим. Не упускал батюшка случая помогать бедным и своею молитвою.

Жила в соседнем селе раба Божия Мария с мужем Степаном. Родился у них первый ребенок — сын, второй ребенок — тоже мальчик, также и третий... Мария пригорюнилась: «Неужели у меня девочек не будет?» А батюшка пришел к ним и говорит: «У моей тетки 12 человек и все мальчишки... Маня, ты не скорби — еще будут завидовать на твоих детей!», — всего у них родилось восемь мальчиков, и все были послушными.

Отец Серафим очень любил их семью и часто бывал у них в гостях. Дети называли его «папой Симой». Приходит однажды, а Мария наварила пшена и стала угощать любимого батюшку. Отец Серафим знал, что они сами живут впроголодь, и стал отказываться, но его уговорили. Тогда он взял крупу и перекрестил со словами: «Да умножит вам Господь. Во имя Отца, и Сына, и Святаго Духа. Аминь». Прошло много времени, а пшено в их семье все не кончалось. Супруги осознали тогда, что это произошло по молитве отца Серафима явное чудо и возблагодарили Бога за такую к ним милость.

Одна семья в Эртеле решила построить себе домишко. Пришли за благословением к отцу Серафиму: «Батюшка, где благословите строиться?» А он отвечает: «Где совесть позволит, там и стройтесь». Они выстроили хатку, а сами переживают, душа болит: «Батюшка ведь не благословил нас — как же мы будем здесь жить?» Пригласили отца Серафима на освящение дома. Он пришел из Ячейки и говорит: «Не скорбите — на деревянненький смените». И через десять лет они, и вправду, купили себе деревянный домик, переехав из старого.

Их родственникам за много лет до того, как в Эртеле построили храм, батюшка принес крест и жертвенник, сказав: «Будут строить церковь — отнесите туда». В то время никто и не предполагал, что в Эртеле будет строиться храм. А теперь их там два: во имя Иверской иконы Божией Матери и в честь Серафима Саровского.

Батюшка часто навещал своих духовных чад, живущих не только в Ячейке, но и в соседних селах. Скажет, бывало: «Пойду к ним. Что-то у них неладно». После его прихода на душе оставалась радость, а все скорби и невзгоды быстро проходили.

Отец Серафим был очень любвеобилен и прост, но вместе с тем бывал строгим: некоторым духовным чадам не благословлял даже улыбаться. Иногда он специально рассказывал смешные истории: испытывал своих послушников и послушниц.

Однажды, идя на требы со своим послушником, батюшка сказал: «Какая сейчас девушка прошла: косая, кривая!» Послушник тут же откликнулся: «Да нет, батюшка, она не кривая!» Тогда отец Серафим спрашивает: «А зачем ты на нее смотрел, а?! Вот вернемся домой — на поклоны».

Но очень сурово батюшка не наказывал, даже наоборот — жалел, как только родная мать умеет жалеть своих детей. Все, кто приезжал к нему, замечали, что он почти не спит ночью: поправляет лампадки, молится, кладет земные поклоны... и — укрывает тех, кто во сне разделся, поправляет им одеяла!

Чутко заботился отец Серафим о своих послушниках, радел о спасении их душ. Одну из своих келейниц батюшка как-то спросил: «Кто там приехал?» Она ответила: «Кажется, Николай». Тот вошел, а оказалось — Виктор. Батюшка ей и говорит: «Что ж ты не видишь, не разбираешься, кто пришел?» А она отвечает: «Батюшка, да они мне оба одинаковые!» Он сказал: «Так и нужно поступать», — это было назидание для всех, кто при этом присутствовал.

Когда батюшка предлагал послушникам постриг — отказываться ни в коем случае нельзя: если отец Серафим решил, значит, была на то воля Божия. Но одна из сестер, Анна, вздумала отнекиваться, говоря, что недостойна. Правда, осознав свою оплошность, она потом пожалела и просила у батюшки постричь ее, но он сделал это только через три года, тем самым давая ей понять, что она согрешила, предпочтя свою волю воле Божией. После старшие сестры приводили этот случай в пример младшим, говоря: «Смотри, если батюшка предложит постриг — ты не отказывайся! А то Нюра вон потом три года бегала за ним».

У батюшки были свои методы воспитания духовных чад. Он благословлял сестрам, которые всегда ходили к нему вместе, советоваться друг с другом по разным духовным вопросам, взаимно подсказывать, если кто-то поступал неправильно. А когда уж они не слушали сестринского вразумления — рассказывать батюшке.

Отец Серафим по-отечески ревностно относился к делу послушания. Требовал от духовных детей, чтобы они на все брали благословение. Часто за послушание батюшка благословлял некоторых сестер братья за те дела, которые они раньше никогда не делали — и все получалось хорошо.

Отец Серафим любил сам шить и вышивать облачения и впоследствии начал учить этому послушницу Марию. Сначала она недоумевала: «Как же я, батюшка, буду это делать? Я же ничего не знаю». Он ответил: «Ничего. Потихонечку», — и за послушание она начала учиться. Сначала дал вышить поясочек петельчатым швом, потом поручи, епитрахиль... Мария очень радовалась, что ей поручают вышивать священнические облачения, ведь делается это все для храма, для службы Божией! Постепенно батюшка стал давать задания более сложные, но с Божией помощью, по молитвам старца и стараниями самой Марии, у нее почти всегда все получалось. Так она научилась шить, вышивать и кроить. Она рассказывала, как батюшка учил ее шить подрясник: «Распори мой подрясничек и по нему шей. Так и научишься». А так как со стороны других сестер была и ревность, и зависть (ведь все люди подвержены страстям), то батюшка наставлял свою послушницу: «Ты знаешь как — делай потихонечку...». Вот так «потихонечку», т. е. скрытно, не вызывая ревность и зависть у других духовных чад, она и несла свое нелегкое послушание. После отец Серафим благословил

Марию учиться петь на клиросе. «За его молитвы я и пела. Так постепенно все послушания проходила», — вспоминала она потом.

Как-то начала Мария вышивать покровцы — работа мелкая, кропотливая. По какой-то причине не выходило в тот раз ничего, руки словно не хотели работать. Батюшка увидел, что дело не спорится, подошел:

— А чей это материал?

— Матушка дала.

— А она у кого взяла?

— Ой, батюшка, а я и не спросила у нее...

— Как же это? Надо спрашивать, разбирать, от кого берешь, какой человек дает тебе. Ведь помыслы у него могут быть разными. И в следующий раз без благословения не бери. А то кто-то принес, чтоб пошить, матушка и взяла, а у кого она спросила благословения?.. Все расшей. Все, Маня, надо делать с молитовкой... — и вот: такая мелкая работа — а пришлось Марии расшивать, распарывать и делать все заново!

Строго, но по-отечески, с любовью, отцом Серафимом порицалось непослушание духовных чад.

Одной молодой женщине сильно хотелось получить образование, но она боялась, что батюшка не позволит ей поступить в вуз, и не стала спрашивать его разрешения. Доучившись до 4-го курса, она вздумала перейти в другой институт. Приехав домой, решила, что хорошо бы взять на это благословение, рассудив, что отец Серафим, наверно, теперь не будет возражать против учения, раз она уже на 4-м курсе. Но батюшка отнесся к этому очень строго: «А кто тебя благословлял учиться?! У кого ты брала на это благословение?! Как это так?! Нет тебе благословения учиться! Это все на пагубу твоей души». Сестра подумала — может, старица Михаила ее на это дело благословит, но от нее получила еще более строгий ответ: «Нет благословения! На погибель!», — стучала посохом об пол матушка. Старцы были единокоренны. Пришлось оставить учебу.

Отец Серафим старался воспитать и воспитывал в своих келейниках безпрекословное послушание. Пришли как-то фотографировать, а он велит своей послушнице Марии:

— На тебе мой посох — иди, фотографируйся.

Она удивляется:

— Батюшка, с Вашим посохом? В мирском платье и с посохом?

— Раз я тебя благословляю, то так и иди!

Одной из своих духовных дочерей батюшка благословил носить на работе фуфайку наизнанку. Год она так и проходила. А в результате все женихи от нее отстали, да и она сама, духовно окрепнув, поняла свою жизненное предназначение и избрала монашеский путь.

К тем из сестер, кто был уже постарше, батюшка относился строже, больше требовал, старался, чтобы они учились изживать даже малейшие свои страсти. Однажды одна из них легла отдыхать на печку, а отец Серафим очень не любил, чтоб нежались — он и намазал ей губы горчицей. Она проснулась и не поймет, что с ней: «Ой, да что же это такое?!» А батюшка улыбается и спрашивает:

«Матушка, что там с тобой?» Она в ответ: «Да никак понять не могу!» А отец Серафим говорит: «Ты спать спишь, а молиться-то не молишься — вот тебе, видно, и приключилось».

Часто батюшка Серафим говаривал своим послушникам, если кто не радел о непрестанной молитве: «Лучше молиться стоя — чем сидя, лучше молиться сидя — чем лежа, лучше молиться лежа — чем никак».

Около него спасалось много стареньких матушек, которые раньше жили в монастырях, и он называл их «девчата»: «Ну, вот и девчата мои идут!» А эти «девчата»: одна на одну сторону хромает, другая — на другую перегибается. Когда к нему поступал новый послушник или послушница, батюшке Промыслом Божиим было сразу все открыто, что из них получится. Например, скажет: «Этот Иван ни людям, ни нам», — значит, не будет от этого человека толку.

Однажды только пришел батюшка со службы, как три женщины привели к нему парня по имени Иван: «Батюшка, прими его в послушники. Он девственник у нас. Мы хотим, чтобы он монашество принял», — это были мать и две тетки Ивана. Но батюшка сказал им: «Ему уже в армию пора — вот вы его отправьте да скажите, чтобы он писался там. А когда его из армии выпроводят, вот тогда посмотрим, куда его — будем молиться Матери Божией, чтобы Она указала ему путь». На следующий раз они пришли уже чуть ли не с требованием: «Принимай парня!», — сделали земной поклон, как положено. Батюшка отказывался: «Нет, нет, нет! Я сейчас не буду его в послушники принимать!» Но они настояли: «Как хочешь, но оставляй его у себя!» Недаром отец Серафим не хотел принимать Ивана в послушники: через год тот нашел себе женщину и даже думать перестал о монашестве.

Однажды, когда Иван еще был у отца Серафима, тот взял его с собой на требы. Батюшка шел и помахивал вправо-влево хворостиночкой, что была у него в руках. Иван удивился: «Батюшка, чего это ты так делаешь?» А он ему отвечает: «Это твоя жизнь такой будет — вилять станешь». Батюшкины слова оказались пророческими.

Отец Серафим никогда не пренебрегал советами других старцев. Однажды рано утром батюшка пошел к матушке Михаиле — она жила в 25-ти километрах от Ячейки. Пришел, конечно, уставший, ведь все пешком. Матушка его встретила, напоила чаем, они поговорили. А потом матушка Михаила взяла игрушечного мишку-пищалку и начала на него нажимать. Игрушка: «Пи-пи! Пи-пи!» Батюшка понял, что это неспроста, и спрашивает:

— Матушка, что говорит мишка?

— Да мишка говорит: «Попу пора собираться домой».

— Как так, матушка? Я устал. Я же с ночевкой к тебе пришел — день уже клонился к вечеру.

— Ничего не знаю. Вот мишка говорит: «Попу пора собираться домой», — а сама все нажимает и нажимает. И батюшка за послушание отправился в обратную дорогу. Пришел домой поздней ночью... А наутро в 7 семь часов к нему неожиданно приехал протоиерей Михаил по какому-то очень важному вопросу — он был секретарем в епархии и благочинным округа. Каждый священник не имеет права куда-либо отлучаться со своего прихода без благословения благочинного, и в то время спрашивали за это очень строго. Если бы батюшки не оказалось на месте, у него могли бы быть большие неприятности. Он был очень благодарен матушке Михаиле за то, что она проводила его домой...

Много чудесных случаев сохранила людская память. Однажды отец Серафим шел с алтарницей матушкой Геронтией по каким-то делам в другое село. Шли они по пшеничному полю, идти было

трудно, стебли мешали ногам. Тогда отец Серафим перекрестил путь, сказав: «Расступитесь», — и пшеница полегла на обе стороны.

В другой раз пошли они с матушкой Геронтией причащать больного. На дороге встретились им гуси, которые нагнули шеи к земле, но не шипели — а выгибали головы, будто кланялись. В ответ на удивление матушки отец Серафим сказал, что гуси поклонились не ему, а Господу, так как он нес на себе Святые Дары.

Вот как сам отец Серафим описывал этот случай: «Во дни моей приходской службы меня попросили прийти приобщить больного. Я по обыкновению взял Святые Дары и отправился. Пройдя километра четыре, вошел в село, мимо которого протекала какая-то речонка. В ней было много гусей. Когда я находился еще в ста метрах от них, гуси вдруг вышли из реки на берег и закричали, увидев мое шествие по дороге. Приближаюсь к ним — они все быстро сошли с дороги и, пригнувшись своими головами, отдали почтение. Когда я прошел, они, поднявшись на ноги, снова начали кричать. Я был крайне удивлен этому. Тут же мне пришло на ум: „Это не тебе воздают хвалу или благодарение, а Тому, Кого ты несешь на персях (на груди своей), т. е. Господу Творцу“. И сказал я себе: „Дивны дела Твои, Господи, вся премудростию сотворил еси!“ Я никогда не замечал, но и тварь благодарит Бога. Да хвалят Его и птицы».

Батюшка очень часто ходил на требы — в свое и соседние села. Всегда брал с собой кирзовую сумочку и клал туда, помимо необходимого, еще чеснок и лук. Если у кого-то должны быть в скором времени какие-либо скорби, он приходил к ним, выкладывал на стол чеснок, лук и отправлялся дальше. Люди, уже зная, к чему это, говорили ему: «Батюшка, да не надо, не надо». А он в ответ: «Без этого не живут». Или: «Витамины! Их тоже есть надо!»

Таким образом, батюшка Серафим постоянно старался вразумить и приучить людей к мысли, что через скорби и страдания лежит путь ко спасению душ наших, что лишь тесными вратами надлежит нам войти в Царствие Небесное, и иных путей спасения для человека практически нет. Ни счастья, ни материальных благ не желал батюшка людям, а того, чтобы через терпеливое перенесение скорбей, невзгод, через истинное осознание своей греховности, через нелицемерное покаяние люди примирились с Богом.

Батюшка поучал: «В возникшем недоумении можно спрашивать у детей совета. Не забывайте о том, что «уста млада глаголет истина». Однажды ему надо было причастить двух больных, которые жили в противоположных концах села. Один из них был пожилой мужчина, а другой — мальчик двенадцати лет. Не зная, куда сначала направить свой путь, батюшка, помолившись Господу, спросил сидевших при дороге малышей: «Деточки, куда мне идти? В эту сторону или в ту?» Дети ответили: «Дедушка, туда не ходи, а иди туда», — и показали в ту сторону, где жил мальчик. Отец Серафим пошел, куда указали дети, пособоровал, причастил мальчика, и тот тут же умер. Пойди батюшка в другую сторону — мальчик умер бы, не причастившись Святых Тайн.

Где-то в конце 50-х годов состоялась встреча отца Серафима с отцом Власием, будущим схиархимандритом Макарием (Болотовым). Нам достоверно известно, что произошла первая встреча отца Серафима с отцом Власием в Почаеве, куда батюшка приезжал помолиться. После того, как на Почаевскую Лавру обрушились гонения, отец Власий появился на приходе у отца Серафима. Он уже был в сане иеродиакона. Служил он, по сути, нелегально, но батюшка его очень любил. Вспоминают, что любимый батюшкой духовный кант «Из пустыни старец», — они очень хорошо пели вместе: две строчки каждого куплета солировали, а потом подхватывал хор. Отца Власия старцы приняли в

общение сразу: и матушка Серафима, и отец Иоасаф, и матушка Михайла. В Ячейке он был недолго, ему скоро дали приход в Задонске. Батюшка часто к нему туда ездил.

Однажды, в праздник Богоявления, отец Серафим приехал к отцу Власию в Задонск. Его духовная дочь Анастасия, зная, что батюшка в Задонске, тоже приехала с сестрами сюда. Отец Серафим, поговорив с ними, велел им до вечерней службы из храма не отлучаться и не ходить к нему толпой, чтобы это не вызвала у властей подозрения. Но после Божественной Литургии церковь закрыли на уборку, и вместо того, чтобы постоять рядом и дожидаться, когда храм откроют, они стали бродить по Задонску, останавливались в магазинах погреться, а сами очень боялись того, что батюшка увидит их, шатающихся по магазинам. Приходят вечером в храм, а он им говорит: «Девчата, как я устал — целый день гулял по городу! Да все думал, как бы архиерей не увидел — что скажет?»

Протоиерей Николай Засыпкин вспоминает, что однажды произошел такой случай. Поздней осенью, уже в стужу, возвращались откуда-то отец Серафим с отцом Власием и что-то по дороге горячо обсуждали. Впереди была речушка, а через нее был перекинут хлипкий мосток с шатающимися досками. Отец Власий пошел вперед, а батюшка Серафим стал вдруг прыгать на досках, из-за чего они сильно раскачались. Отец Власий не удержал равновесия, свалился в воду, зацепил за ногу отца Серафима и стащил его в речку за собой. Так они оба и искупались. А потом, смеясь, побежали домой, чтоб обогреться. Расстояние было неблизкое, но никто из них не заболел.

Пришел однажды батюшка к рабе Божией Зинаиде, а у той в гостях сидит соседка Ольга. Батюшка внимательно поглядел на Ольгу, быстрым суетливым шагом походил туда, сюда и говорит: «Ой, какой же я есть! Как иду на работу — выпью стаканчик самогоночки, тогда только иду!», — снова поглядел на Ольгу и опять также быстро вышагивает. Зина не поняла, что это батюшка говорит. А потом, когда он ушел, Ольга чистосердечно призналась: «Зина, ведь это про меня батюшка говорил! Как соберусь на работу или даже в храм — стаканчик самогоночки выпью и иду!»

Когда батюшка жил в Ячейке, он взял к себе свою племянницу Раису. Она была тогда совсем молоденькой — заканчивала 7-й класс.

Отец Серафим очень любил петь псалму «Из пустыни старец». Пришла как-то к батюшке раба Божия Мария — он тут же запел свое любимое песнопение, а сам смотрит на нее — будто бы для нее поет. А в песне повествуется о том, что такое послушание духовному отцу и как нужно его проходить. «А я думаю, — рассказывала после Мария, — что это батюшка ко мне обращается». Через некоторое время старица схимонахиня Антония благословила ее поступить к батюшке — так Мария стала его послушницей.

Жила она у отца Серафима в одной келье с Раисой — его племянницей. Племянница зачастую ревновала: ей казалось, что ее меньше, чем Марию, жалеют, меньше любят. На этой почве у них нередко происходили ссоры, но все свои размолвки они, конечно, старались тщательно скрывать от батюшки. Однажды приходят из сарая, где в очередной раз поругались, а отец Серафим и говорит: «Ой, какая туча находила! Какая грозная туча здесь была! Но дождик-то не пошел, не пошел...», — он имел в виду, что до крупной обиды, до слез дело не дошло. А после сказал духовной дочери: «Вот вы там поцапались, повздорили немножко, а потом надо просить прощения друг у друга, пока солнце не зашло, а на ночь, перед тем как спать, нужно молиться за обидевших вас и крестик целовать».

Своей племяннице батюшка за много лет предсказал, что у нее будет ребенок. Показывает она как-то ему кем-то принесенные полотенца, а батюшка ей: «Да ты побереги себе — может, на пеленки пригодятся»...

Однажды приехала за отцом Серафимом на телеге раба Божия Анна — везти его к себе по какой-то требе. Едут они мимо одной хаты, а на пороге сидит девушка. Батюшка Анне говорит: «Нюр, смотри: монашка сидит». Та в ответ: «Какая монашка?! Разнаряженная, да учится!» Батюшка ей: «Ну, вот посмотришь». Много лет спустя эта девушка и вправду стала монахиней.

О том, что ее ожидает постриг, старец ей вот как предсказал...

Пришла она к родственникам, а у них в то время обедал батюшка. Девушка тоже потихоньку присела за стол. Вдруг лицо батюшки преобразилось, от него пошли лучи, глаза засверкали, и он заговорил, указывая рукой в ее сторону: «Что загоралась? Не горься — Матерь Божия тебя не оставит, утешит...», — тут одна из матушек что-то сказала, не зная, видимо, что нельзя перебивать старцев. Батюшка замолчал и стал кушать. Потом все повторилось, он снова заговорил: «... Не горься — ты будешь монахиней. Да великой». Девушка подумала: «Какая из меня великая монахиня?» Она сидела без косынки и в платье с коротким рукавом. Но впоследствии в постриге ей было дано имя Антония Великого.

Стала она приезжать в Ячейку к батюшке. Как-то он велел научить ее вязать четки своей послушнице: «Мария, научи ее четочки вязать. А ты садись и за вязаньем читай Иисусову молитву. Пока узелочек свяжешь, раз 15 молитву скажешь». Девушка в ответ: «Да что Вы, батюшка, я и больше скажу — я же медленно буду вязать!» Матушки потом попеняли ей: «Надо было не так, а «Батюшка, благословите, помолитесь»».

У этой матушки Антонии отец Серафим как-то спросил:

— Вот видишь стакан с водой: если бросить туда пшено, будет видно?

— Да, — ответила она.

Так вот и я вижу сердце человека, и что в сердце, — сказал батюшка. Почти то же самое он говорил и схимонахине Евстратии.

Мать Антония в молодости писала стихи. Батюшка одобрял: «Пиши-пиши! И везде ходи с карандашом и бумажкой. Если по дороге сочинишь — останавливайся и записывай, если перед сном — вставай с кровати и пиши. А больше пиши из Евангелия, учти, что не сама сочиняешь, И Господь тебе это благословляет...». А потом спрашивает, как бы между прочим: «... А ты житие-то еще не пишешь?» Она не поняла. А много лет спустя после смерти батюшки стала записывать в отдельную тетрадь случаи из его жизни, свидетельницей которых была она сама или кто-либо из батюшкиных чад.

Вот что еще рассказала нам одна из духовных дочерей старца: «Отправились мы как-то по святым местам, по благословию отца Серафима, с родным братом и еще двумя рабами Божиими, а в Россию в то время приехал Патриарх из Иерусалима. В конце службы стал он давать крест — началась давка, все вперед полезли: всем хочется у него благословение взять! Мы захотели подойти поближе: хоть издалека посмотреть на Иерусалимского Патриарха. А народу было много — вдруг меня толпой подхватило и к Патриарху вынесло. Смотрю: прямо перед ним стою! Я руки сложила и думаю: «Господи, хоть бы он и меня благословил, и отца Серафима нашего!», а Патриарх перекрестил меня и тут же второй раз перекрестил. Я так рада была! Ну как же: и меня благословил, и батюшку! Тут меня кто-то сзади подтолкнул — я и упала. А Патриарх наклонился и сам меня приподнял. Потом в алтаре заметили, что давка увеличивается, оттуда вышел священник и стал давать крест, а Патриарх зашел в алтарь...

Служба кончилась, я выхожу из церкви и от радости не вижу никого и ничего. Только и думаю о том, как Патриарх меня два раза благословил. Тут подходит мой брат и те рабы Божий, которые с нами ехали, и говорят: «Надо же, мы ведь все вместе были, а под благословение одна ты попала!», — а их, оказывается, толпа, наоборот, в сторону оттиснула.

Вернулись мы домой, я прихожу и отцу Серафиму, радостно рассказываю: «Вы знаете, мы ведь у Патриарха благословение брали! А я про себя попросила: „Господи, хоть бы Патриарх благословил и меня, и нашего батюшку!“ и Патриарх меня два раза благословил!» Батюшка заплакал.

Отец Серафим всегда говорил о том, что плоть человеческая немощна и ленива, что надо закалять непрестанно свой дух, за труды и подвиги эти дана была ему от Господа сильная и благодатная молитва. Нам рассказывали такой случай: в каком-то городе спасались вместе три схимонахини — Херувима, Серафима и Ангелина. Батюшку они никогда не видели, но знали о нем и всегда за него молились. И он за них.

Так вот они говорили, что молитва батюшки, как огненный столп, от земли до Неба. Так им было это открыто.

Люди верили и знали, что по молитвам батюшки получают просимое, и шли к нему с горем и радостью. Как-то матушка Ксения ехала к отцу Серафиму со скорбью: когда сестра дежурила на переезде, произошел несчастный случай. Идет Ксения к отцу Серафиму, а он еще издали кричит: «Ничего сестре не будет: шофер пьяный был». Состоявшийся суд сестру оправдал.

Приехали как-то к батюшке в Ячейку духовные чада из Курбатова со скорбью: бригадир, который до этого к ним хорошо относился и даже на церковные праздники в храм отпускал, вдруг возненавидел их до того, что как-то сказал своей жене: «Я этих девчат загоню в Сибирь! Хоть за горсть ячменя, но загоню!» Но батюшка утешил девушек: «Его самого поймут с ячменем, и он уедет в Сибирь». Возвращаются сестры домой, а мать одной из них встречает их со словами: «Настя, бригадира-то вашего поймали с ворованным хлебом — с ячменем. Хотели судить. Но он откупился от тюрьмы и сам уехал в Сибирь — к своему дяде».

Раб Божий Иван раньше работал в шахте, как-то раз батюшка дал ему мешочек, а в нем ленточки, ниточки, и сказал: «Срочно уходи с работы, иначе останешься навсегда под землей — произойдет обвал шахты. Вот тебе мешочек — ты будешь работать в швейной мастерской, да еще научишься шить облачения. Станешь многих снабжать». И бывший шахтер со своими домашними, действительно, впоследствии обшивал священство.

Иногда, когда кто-нибудь собирался к батюшке приехать, он прозревал это и говорил келейницам: «Вот такие-то (назовет фамилию) едут. Они сейчас там-то (укажет деревню или село, которые они проезжают). Скоро уже будут», — и скажет, к какому часу они приедут и сколько будет человек. А потом приезжают эти самые рабы Божий, и именно столько человек, и как раз к тому времени, какое указал батюшка.

Протоиерей Николай Засыпкин рассказывал, как он впервые встретился с отцом Серафимом: — *Отца Митрофана я узнал в 1954 году Рождественским постом. Он был тогда еще иеромонахом Серафимом. А произошло это так. Наша семья переехала в Мордово, и тетя моей супруги, уже к тому времени знавшая батюшку, предложила мне съездить к нему в Ячейку, где он тогда служил. Из Мордово до Эртыля мы ехали поездом. Прибыли поздно вечером, а до Ячейки еще около 25 километров. Тетя говорит:*

— Я была уже там — я знаю, как добраться: отправимся пешком — к утру как раз и придем.

Я спрашиваю:

— Ты хорошо дорогу знаешь?

Она отвечает:

— Хорошо, — и мы с ней пошли...

Снег. Темно. Идем уже довольно-таки продолжительное время, но у меня почему-то смутное подозрение, что движемся мы не в том направлении. Спрашиваю: Мария Федоровна, вспомните хорошенько: туда ли мы идем?

— Туда, туда....

Попадается нам на пути какая-то деревушка. В одном из домов горит огонек. Я постучался, спрашиваю:

— Как до Ячейки дойти?

— А вы откуда?

— С Эртиля.

— Да вы в противоположную сторону идете! — женщина вышла, показала нам нужное направление. Снова пешком — ночью, по снегу, без дороги, без следа. Наконец вышли на какую-то дорожку...

В храм вошли, когда было уже светло. Но служба еще не начиналась — батюшка исповедовал. Он посмотрел в нашу сторону, и у меня возникло такое ощущение, будто меня насквозь пронизал его взгляд!

Мария Федоровна только подошла к нему, еще ничего не успела сказать — он ей сразу:

— Путлюха! Куда ж ты малого-то завела?

— Батюшка, простите!

— Что «простите»? «Простите»...

— Батюшка, Вы его поисповедаете?

Нет, пусть стоит молится — после литургии поисповедую.

Вряд ли я когда-нибудь так до этого молился, как в тот раз в таком страхе я был, в таком трепете. Даже на волосы мне случайно наступили, когда я земной поклон делал: боль была сильная, но я сразу о ней забыл — так меня захватила литургия...

Потом батюшка вынес из алтаря тетрадочку — перечень грехов, поисповедовал меня, и мы причастились. Кончилась служба, все подошли ко кресту, отстояли молебен... Можно было бы брать благословение и уходить, но я вдруг произнес: «Батюшка, а можно зайти в Вашу келью?» До сих пор не знаю, как и почему у меня тогда дерзновения на это хватило. Он разрешил. Побежал вперед нас, и когда мы подошли к его келье, он вышел нам

навстречу с иконочкой святителя Николая и благословил меня ею. Небольшая икона, писаная — она до сих пор у меня хранится...

О чем мы после этого говорили с батюшкой, я уже не могу вспомнить, хотя беседа наша была довольно-таки продолжительной. Но с того времени я стал к нему ездить, и виделись мы с ним частенько. Приезжал я и один, и с семьей. Бывал неоднократно и батюшка у нас в Мордово. Иногда я провожал его в тот же день на поезд, когда ему надо было ехать в Киев, но случалось, что он оставался у нас ночевать.

Батюшка часто ездил в Киев, желая напитаться духовной благодатью Лавры, и его там уже знали. Бывало, на поездку туда благословлял кого-нибудь из своих чад. Однажды он благословил и отца Николая, который работал в то время еще аптекарем.

— Батюшка, но ведь я ни разу в Киеве не был и никого там не знаю, — возразил Николай.

Отец Серафим дал ему адрес одной старушки, у которой сам всегда останавливался — Елены Григорьевны.

— А как же я по городу? Я ведь город совершенно не знаю.

— А тебе там будет путеводитель.

Конечно, все так и получилось — и дорогу подсказали, и святыни Киева показали: когда Николай пришел к Елене Григорьевне, там оказался его знакомый — дедушка Даниил из Челябинска, который часто приезжал к батюшке. Он и стал «путеводителем» по Киеву. «Поездка прошла замечательно, и молитвами батюшки я благополучно вернулся домой очень довольный», — рассказывал много лет спустя отец Николай.

Простые бытовые воспоминания о батюшке Серафиме достаточно емко и выразительно характеризуют внутреннее духовное устройство этого человека.

В Ячейке при батюшке жили сестры — монахини и послушницы: матушка Паисия, которая находилась при батюшке постоянно, матушки Мефодия и Апполинария, жившие в д. Пады, матушка Досифея (она жила в своем маленьком домике в с. Самовец), монахиня Серафима (в схиме Сергия), жившая в своем доме в с. Гнилуши, которые приходила в Ячейку к каждому празднику. Матушки эти ранее спасались в разных монастырях и на приходе в Ячейке они составляли отдельный (монашеский) клирос, обладали очень хорошими голосами и пели так умирительно, что во время службы у многих на лицах можно было заметить слезы.

Как-то отец Серафим благословил поехать в Киев и Почаев нескольких своих келейниц. Стали они собираться, а матушка Досифея, бывшая уставщица монастыря, решила: «И я с ними поеду!» Батюшка ее не отпустил: «Нет, ты не поедешь». Она дерзко ответила: «Как не поеду?! А ты меня не постригал!», — дескать, и запретить не можешь. Тогда он ей строго сказал: «За непослушание — Господь попустит, — ослепнешь!» Но она все равно отправилась с сестрами. Приехали они в Киев, пришли в Лавру. Начали спускаться в пещерки — вдруг матушка Досифея зарыдала, «плакала и говорит: «Я не вижу. Ведите меня». До конца жизни матушка не видела и горячо каялась за свой ропот и непослушание.

Через некоторое время сестры вернулись из Почаева, и жизнь пошла своим чередом. Как-то раз батюшка отправился на требы, а матушки принялись печь просфоры: скоро должен был наступить какой-то праздник и просфор требовалось напечь немало, ведь на праздники обычно приезжало много

народа. В это время пришла женщина, которая раньше была на том приходе просфорницей (за какую-то провинность ей было отказано в месте и она очень досадовала на это), и принесла картошки. Она ушла, а просфорки перестали получаться. Отец Серафим приехал, а сестры ему говорят: «Батюшка, простите, у нас почему-то просфорки не получаются! Мы уже целый мешок напекли — и ничего не выходит!» А он им в ответ: «Прораззявили! Кого пустили-то?» Тут сестры вспомнили, кто к ним приходил. Батюшка специально отслужил молебен, и только после этого просфорки снова стали получаться. Отец Серафим сказал: «Когда печете просфоры, всегда просите помощи преподобных Сергия, Никодима и Спиридона — преподобный Сергей пек хлеб, а Никодим и Спиридон были просфорниками».

Батюшка Серафим очень строго смотрел за тем, чтобы никто не смел, как это нередко делают просфорницы на других приходах, употреблять неполучившиеся просфорки с чаем. Он говорил, что такие просфоры хотя и не освящены, а вес равно их надо вкушать как святыню — только натошак, так как, когда сестры пекли просфорки, добавляли святую воду и, накладывая головочку, называли имена: за упокой или о здравии.

Как-то раз отец Серафим перед отъездом сказал своим келейницам: «Ничего сегодня не делайте, не надо». А матушка Паисия ему: «Езжай — мы без тебя тут знаем, что делать!» Он посмотрел на нее и ничего не сказал. Батюшка уехал — матушка говорит: «Давайте стирать». А послушница Мария напоминает: «Матушка, ведь батюшка нам не благословил. А если чего-нибудь случится?» Мать Паисия говорит: «Да что может случиться? Ничего! Он это просто так сказал». Постирали они покрывала на подсвечники — церковь была бедная, и подсвечники внизу закрывали белым материалом и перевязывали ленточкой, чтобы палка не торчала. Повесили сушиться... — и ветром все на полосочки порвало! Матушка Паисия как увидела — зарыдала: «Что мы теперь будем делать?! Да лучше бы я тебя послушала!» А Мария ей отвечает: «Матушка, да ты не горься — мы выйдем из положения: белые шторы с окон снимем и на подсвечники привяжем. А на окна чего-нибудь повесим». Матушка ободрилась: «Ну, слава Богу! Ты меня успокоила».

Когда сестры стирали и гладили белье, то батюшкины вещи всегда лежали отдельно, потому что он монах и священник. Стирала и гладила ему матушка Паисия, так как она была самая старшая, а остальным к его белью не велели прикасаться. Для батюшкиных вещей у матушки даже было отдельное корыто.

Свою собственную нетребовательность к пище батюшка Серафим старался привить и своим послушникам.

Рыба появлялась на столе только по праздникам, а в простые дни питались скромно — картошка, помидоры, огурцы, изредка хлеб и чай. Да и тот заваривали чаще всего из трав. Во всем была скромность и строгость. Без благословения иные боялись даже воды попить, не то чтоб самочинно чаю заварить и напиток! Но та великая благодать, которую имел старец, покрывала все: «А мы и не замечали, что у нас на столе», — вспоминали келейницы.

Из спиртного батюшка вообще ничего не пил. Никогда. Но по праздникам, бывало, благословлял матушкам и работникам по стопочке красного вина. Однажды мать Паисия возмутилась: «Я за одним столом с мужиками пить не буду!», а батюшка ей говорит: «Да где же ты мужиков здесь увидела. Одни ребята».

В другой раз молодой человек спрашивает батюшку: «Ну почему же нельзя позволить себе иногда в праздник выпить, ведь сказано же в Псалтири: „И вино веселит сердце человека... и хлеб сердце

человека укрепит“ (Пс. 103)». А отец Серафим ему на это ответил: „О каком вине, и о каком хлебе здесь идет речь? Здесь Дух Божий через пророка Давида говорит о таинстве Евхаристии».

По воспоминаниям рабы Божией Екатерины, батюшка Серафим был большим постником. Она рассказывает: „Бывало, все уже пообедают, а он с нами и за стол не сядет, можно сказать, батюшка Серафим одними сухариками питался и водичкой. Ну, если придет к нам в гости, так мы его спросим, чего батюшка благословите приготовить? Он и говорит: «Картошки пожарить, и только на постном масле», а еще любил картошку в мундире, и у него все питание это и было, досыта он никогда не ел, а съест одну картошку и хорошо, ел всегда чрезвычайно медленно, чувствовалось, что вкушал с непрестанной молитвой Иисусовой. Часто говорил, когда приглашали к столу: «Я дома сытно пообедал, поэтому есть не хочу». А бывало, скажет: «Желудок у меня сильно болит, не могу есть». И тогда знаешь, жди точно, у кого-то обязательно желудок заболит“.

На Пасху батюшка позволял съесть себе одно яичко и все..., а вот молочко, сметанку, творог — батюшка даже на Пасху не позволял себе вкушать. Вот, бывало, в Пасхальные дни ходил он с иконами по селу, ну кто-нибудь из нас с ним ходил, — так вот он в первый день съест одно яичко, а все остальное время только сухарики. Вот и все питание. А уж последнее время у него зубов не было. Конечно, не спросишь, выпали ли они, или в тюрьме их ему повыбивали, да он и не скажет, так вот он простой воды зачерпнет и пьет. Ему говоришь: „Батюшка, давайте хоть я вам сахарку в воду добавлю, все вкуснее“, а он в ответ: „Я не люблю, я с детства золотушный, не хочу“. Был батюшка Серафим великим подвижником. Щи постные любил, ну и овощи вареные кушал, но немного. Вот, бывало, племянница его сварит борщ и зовет его есть: „Батюшка, хоть один половничек, скушай“. А он отказывается. Бывало, на Пасху приносят прихожане ему мясо, сало, он, конечно, чтоб не обидеть людей, не отказывался от их приношений. И все эти подарки — это сало и мясо вдовам, сиротам, прочим нуждающимся раздавал».

Как-то мать Досифея — та самая, которая ослепла, — возгордилась. Говорит: «Я мяса не ем и ничего такого не употребляю!» А батюшка велит одной из своих келейниц: «Неси борща скоромного». Мать Досифея начала есть и удивляется: «Ой, как пахнет: как будто борщ с мясом!» А батюшка ей: «Да ты ешь, ешь, матушка. Кто же с мясом тут наварит?» А когда она покушала, отец Серафим говорит: «Ну вот — ты хвалишься: „Мяса не ем!“, — а сама мяса и налопалась!» Так батюшка ее смирял.

С тех пор, как она ослепла, она прослужила в церкви еще около 40 лет. Службу знала отлично, голос был хороший, пела... А в каких условиях она жила! — в хате было холодно, нее темно, с потолка текло!.. Ей предлагали хорошее место, но она отказалась, и так до конца жизни претерпевала лишения Христа ради.

Однажды батюшка благословил свою келейницу Марию, которая к тому времени была уже в постриге, съездить в Почаев. Собралась она в поездку и думает: «Возьму облачение с собой и там в нем похожу — дома ведь нельзя, а в Почаеве все так ходят». Положила подрясник, апостольник, закрыла сумку, а батюшка идет мимо и спрашивает: «Мать, что это там у тебя в сумке?» Она отвечает: «Подрясник и апостольник». Батюшка приказывает: «Вынь, оставь. Господь знает, кто ты. И будешь причащаться — говори свое мирское имя». Она послушалась, вынула облачение и отправилась в Почаев, как простая мирянка. А когда приехала, ее забрали в милицию и никак не хотели отпускать. Потом с трудом все же выпустили. А если бы узнали, что монахиня, могли бы задержать надолго.

Еще один случай прозорливости отца Серафима рассказал протоиерей Николай Засыпкин: — *Однажды батюшка, приехав к нам в Мордово, вышел ВО двор и стал его метлой подметать: предсказал, что нас «выметут» оттуда. Это было глубокой осенью, а уже в*

декабре нам предложили уехать (т. к. знали, что мы верующие) в другой район — в Шехмань. Мы тогда очень волновались, ведь Мордово, можно сказать, наша родина. И все же пришлось нам в 30-градусный мороз переезжать с 4-мя детьми и всеми пожитками на расстояние 70 с лишним километров по бездорожью. Но по молитвам батюшки Митрофана и матушки Серафимы (Мичуринской) доехали мы благополучно, никто не заболел, все перевезли, и почти ничего не померзло — ни заготовки, которые мы сделали на зиму, ни даже комнатные цветы.

И батюшка, и матушка Серафима говорили: «Хорошо бы, чтобы вы там как можно дольше прожили», — по их молитвам мы в Шехмани прожили 26 лет. И все эти годы — как под покровом: в селе все знали, что мы верующие, но никто никогда не пенял нам этим. И даже сейчас иногда приезжают шехманские — не теряют связи со мной...

Схимонахиня Евстратия однажды рассказывала:

Как-то собрались знакомые монастырские матушки поехать помолиться в Почаев, ну и меня взяли. Полные сумки сухарей набрали в дорогу. А матушки эти знали хорошо отца Кукушу. Ну вот, приехали мы в Почаев, пришли в корпус, где батюшка Кукуша жил. Сами матушки пошли к старцу, а меня (я еще тогда монахиней не была) оставили стоять в коридоре — за сумками приглядывать. Заходят они к батюшке, а он им говорит: «С вами еще одна матушка приехала. Ведите ее». Они отвечают: «Да нет с нами никого». Так как я еще не была монахиней, то, конечно, они меня за матушку не считали. Тогда батюшка вышел в коридор, взял меня за руку и повел к себе. Я ему: «Батюшка, а как же сумки?» а он мне и говорит: «Да кому ж здесь нужны твои сумки — в них одни сухари». И провел он меня к себе, час или больше все мне рассказывал, спрашивал, а тем матушкам — ни слова. Учил как лампадки зажигать, что при этом «Богородицу» надо читать, как фитилечки поправлять, как иконочки протирать, как в чистоте держать святой уголок — все сам показывал. А когда мы из Почаева вернулись, то матушка Антония благословила меня идти к отцу Серафиму в послушание, и так я стала одна из его келейниц. И то, что отец Кукуша мне показывал, — все тогда и пригодилось...

Однажды батюшка Серафим берет меня за руку и говорит: «Пойдем, Маня, со мною». Шли мы долго, ближе к вечеру пришли в какое-то село. Подходим к какой-то неказистой хатенке. Зашли — там какая-то матушка больная сидит. Отец Серафим и говорит мне: «Вот, Маня, проживешь ты здесь пока у матушек в послушании», а сам дальше куда-то пошел. Матушка одна в хате по болезни находилась, она шила хорошо, а вторая в поле ушла — собирала оставшиеся после уборки колоски. Матушки эти монастырские были. Много лет вместе прожили. Вот и говорит мне та, которая больная: «Сходи, детка, в колодец, принеси воды». Я взяла ведро, дошла до ближайшего колодца, набрала воды и принесла матушке. Та кружкой зачерпнула, отпила, да как грохнет ведром — вся вода на пол и вылилась. «Нет! — говорит. — Это плохая вода. Ты сходи в другой колодец. Там вода лучше». Пошла туда, куда она сказала. Это уже намного дальше. Принесла ведро, она опять зачерпнула, отпила и опять всю воду вылила. «Иди за село. Там еще один колодец есть». Я и пошла. Подхожу... Ох, страсть какая! Колодезная яма огромная, камнями обложена, а камни стоят как-то неустойчиво. Думаю, да как же я воду отсюда наберу? Помолилась, кое-как зачерпнула. Несу назад. Тут уж матушка попила и стала меня нахваливать: «Ох, какая вода! Ох, какая вода вкусная!»

Пришла вечером домой вторая матушка, уставшая. Говорит мне: «Дочка, напои меня кипяточком». Я воду согрела, дала ей. Она попила и спать легла. Тут вторая из-за стенки кричит: «Маня! Принеси мне чайник». Я принесла, она и спрашивает: «А кто всю воду выпил? Она? — и кивает в сторону спящей матушки. — Ты ей ничего не давай!» Я и думаю: «Ох, страсть какая! Да как же можно воды не дать?» Ей же говорю: «Это я сама всю воду и попила». Та отвечает: «Тебе можно, а ей не давай». Я взмолилась: «Батюшка! На кого ты меня оставил? Куда привел? Забери меня отсюда». Утром батюшка вернулся и говорит: «Да уж слышал я тебя, Мань, ладно, пойдём обратно». Та матушка, которой я воду носила, запричитала: «Ой! Зачем ты ее забираешь? Где мы себе такую послушную найдем?» Но батюшка ответил строго: «Она и мне нужна». Идем по дороге, мимо того колодца страшного, я батюшке все рассказываю, а он смехом заливается: «Вот ведь, Маня, как бывает». Уже потом поняла я, что это батюшка с матушками меня испытывали.

А чуть позже батюшка постриг мою сестру Фросю в мантию (теперь схимонахиня Филарета). А наутро мне говорит: «Мань! Ты дай мне ту шубу старую. Мы Фросю сейчас будем одевать идти в церковь молиться. Принесла я шубу! А она — ужас! Вся свалявшаяся, грязная. Он ее на Фросю надел, подпоясал какой-то белой веревкой. А на голову повязал пять платков — один поверх другого. Причем все друг из-под друга торчали. Я посмотрела и еле от смеха удержалась. Пошла Фрося в церковь — молится, а батюшка из алтаря выйдет, посмотрит и только рот рукой прикрывает, чтоб никто его улыбки не заметил. Глаза только так радостно смеются.

Фрося и говорит потом: «Да я и не чувствовала ничего. Мне после пострига так страшно было и одновременно так радостно! Я только стояла и молилась, и не замечала вокруг ничего...»

Матушка Варвара вспоминала, как собиралась идти в Ячейку на службу и перед этим ночью во сне услышала чей-то голос: «Матушка, ты пойдешь в церковь не в Ячейку, а в Иерусалим». Это место святое, там до сих пор легко дышится.

Праздник Успения в Ячейке всегда отмечали особенно — очень торжественно и умирительно. Из Грязей приезжал отец Иоасаф, обладавший красивым и сильным голосом, и канонаршил. Над Плащаницей по благословению батюшки сооружали особый «балдахин»: ставили ее на гробничку и над ней прибавляли деревянную дугу, которую обвивали ветками с цветами и плодами — яблочками и виноградом — расположенными симметрично. (Когда после праздника «балдахин» над Матерью Божией разбирали, каждый считал за счастье, если ему доставалось что-либо из украшения: цветочек, яблочко или веточка.) Как на саму Плащаницу, так и на дугу водружали венок, вокруг Плащаницы располагали вазочки с цветами, по бокам от нее ставили подсвечники. Получалось, что Мать Божия утопала в цветах, плодах и свечах. Над Плащаницей на дугу вешали три неугасимые лампадочки. Батюшка весь сиял, народу было очень много, и от радости у всех текли слезы... Те из духовных чад отца Серафима, которые еще живы, до сих пор не могут забыть батюшкиных служб...

Конечно, все это не нравилось врагу нашего спасения — и тот воздвигал на отца Серафима сильную брань. Кто-то однажды спросил у отца Серафима: «Батюшка, а ты был на войне?» Он ответил: «Я и сейчас на войне», — имея в виду войну духовную. Находились люди, которые, по наущению дьявола, оскорбляли отца Серафима, говорили о нем плохо, писали на него анонимные письма архиерею. Много скорбей от людей претерпел батюшка за 11 лет своего служения в Ячейке. Но смиренно и

кротко, как долготерпеливый пастырь, прощал человеческие слабости. Он был чрезвычайно кроток, а ему наносили обиды, укоры, разные скорби, всячески клеветали на него: то он с девушками..., то он из церкви крадет..., но отец Серафим все переносил, ибо «многими скорбями предстоит нам войти в Царствие Небесное».

Духовные чада батюшки Серафима жили во всех концах страны. Были они и среди монахов в Киеве и Почаеве. Однажды батюшка приехал в Почаев, зашел в храм и стал в уголочке помолиться. Один брат заметил его, пошел к другому и говорит: «Слушай, там какой-то странник, мне кажется, что он непростой: он так молится, так молится!» Второй монах отправился с первым посмотреть на странника. А батюшка, зная, что его горячая молитва была замечена, снял свой пиджак, бросил его куда-то под стол и лег. Братия приходят, а он валяется под столом. Тут второй монах засмеялся и сказал: «Да это же мой духовный отец!» Батюшка сел и говорит: «Скоро вас всех отсюда выгонят». Вскоре так и случилось — Почаевскую Лавру закрыли.

Перед закрытием обители тот брат, который заметил, как батюшка молится, приехал к нему в Ячейку. Погостил и ненадолго до отъезда говорит: «Батюшка, благослови меня в дорогу». А тот отвечает: «Езжай, а через год приедешь». Брат возражает: «Батюшка, нас из монастыря только раз в три года отпускают!» А отец Серафим снова: «Через год прилетишь! Приедешь, а меня не будет тут». Лавру закрыли, и брат, действительно, приехал со всеми вещами в Ячейку. Но батюшку уже к тому времени перевели в Девицу...

Раб Божий Иван рассказывал, что, погостив у отца Серафима, он всегда спрашивал благословение в день отъезда: «Батюшка, благословите — мне домой ехать надо». Бывали случаи, что батюшка делал вид, что не слышит. Иван начинал переживать: на работу нужно было попасть вовремя — в советское время спрашивали очень строго, наказывали даже за опоздание на пять минут. Батюшка же спокойно ходил по дому, занимаясь своими делами. Оставалось очень мало времени до проходящего поезда. А ведь надо было еще добраться от Ячейки до Анны, где находилась станция. Иван начинал все сильнее переживать: «Батюшка, может, я поеду?», — батюшка снова ничего не отвечал. И вдруг в какой-то момент говорит: «Бог благословит — езжай». И стоило Ивану выйти на дорогу — тут же подворачивается попутная машина. А как добрался до станции, сразу сел в поезд — даже десяти минут не пришлось ждать! Так батюшка воспитывал в своих чадах послушание. И те, кто его слушал, никогда не были оставлены Богом без утешения. Иван рассказывал: «Я уже знал это и не волновался: как батюшка благословит — сразу уедешь».

Но были люди, которые поступали наперекор или тем паче назло отцу Серафиму. Они всегда имели после этого большие скорби. Господь тут же заступался за Своего избранника.

В Ячейке у батюшки был молодой послушник, которого одна женщина решила женить на своей дочери и всячески этого добивалась, прилагая немалые усилия. Батюшка очень сокрушался, видя, что она преуспевает в своем намерении, а потом как-то не выдержал — встретил ее и со скорбью сказал: «Что же ты делаешь?! Что ты делаешь — ты же парня губишь!» Женщина ответила ему бранью: «Ты сам живешь монахом, без жены — жизни хорошей не знаешь! И хочешь, чтобы другие так же мучились?! Паразит ты!» Батюшка строго посмотрел на нее и сказал: «Я тебе это оскорбление лично прощаю, но кроме меня ты оскорбила священнический сан, а, следовательно, через это и Бога. Паразит, говоришь? Смотри, а то тебя Господь поразит». В этот же день женщина погибла: когда вешала сушить белье на провода, ее ударило током. Брат же этой женщины начал писать жалобы на батюшку, и отца Серафима вскоре перевели на другой приход.

Случилось это так. В Ячейке болела старенькая раба Божия Варвара. Старец часто навещал ее, а в день смерти пришел, пособоровал и причастил умирающую. После совершения таинства он спросил: «Мать Варвара, ты будешь молиться за меня?» Та ответила: «Буду». Отец Серафим сказал: «И я за тебя буду молиться. А ты за меня там молись», — и ушел в храм служить всеобщую. Варвара в тот же вечер умерла.

В советское время не разрешалось, чтобы покойника в последний путь на кладбище открыто провожал священник, но батюшка все совершил, как велело сердце, и на него донесли. На 20-й день батюшка замыслил отслужить по Варваре панихиду. Родные покойной стали усердно отговаривать его: «Батюшка, да на 40 дней отслужим!» Но отец Серафим был непреклонен и категоричен: «Нет, сегодня отслужим. А то вдруг на 40-й день меня здесь не будет». Панихиду отслужили, а на следующий день батюшку вызвали в Воронеж, где ему объявили, что он направляется на новый приход, новое место служения — в село Девица.

С плачем провожало отца Серафима все село, шли за ним несколько километров. Было это в декабре 1961 года. Батюшка Серафим покидал Ячейку как раз на Николу, холод был невозможный, ветер, мороз, на Эртиль дороги не было, снег чуть ли не по пояс, вышло много народа провожать его, в руках его была всего лишь одна маленькая сумочка. Он шел впереди, народ немного поотстал, изредка он останавливался, оглядывался назад и смахивал с глаз наворачивающиеся слезы, скуфию с его главы сбило ветром, и он срывающимся от волнения голосом попросил: «Матушки, поголосите по мне». А они как тут закричали, заголосили. Плакали навзрыд, во весь голос. Как будто предчувствовали, что больше не увидят родного батюшку. А один мальчик перед этим дня за три видел сон: как будто весь народ ячеевский собрался вокруг родного храма, потому что крест с церкви вдруг упал на землю в сторону востока, и именно на восток вела дорога в Эртиль, по которой через три дня после этого сна уходил батюшка Серафим.

Как батюшка сам отнесся к этому переводу? Не надломило ли это событие его силы? Как отнеслись к этому его духовные чада?

Вот что вспоминает протоиерей Николай Засыпкин:

— *Когда мы жили в Мордово, я часто виделся с батюшкой, ведь до Ячейки было всего 30 километров, и мне ниче-го не составляло преодолеть это расстояние на велосипеде. Но когда мы переехали в Шехмань, то общение с батюшкой стало редким. А оно мне было необходимо. И вот я написал ему плачевное письмо, в котором сетовал на то, что мне очень плохо и не хватает общения с ним. Батюшка прислал мне ответ — он написал примерно следующее: «Тебе плохо потому, что ты забываешь, что ты с Богом. А с Богом везде хорошо. Вспомни мои рассказы, как я был в ссылке: мне тоже было вначале очень плохо, а потом я сказал сам себе: „А чего ты унываешь? — Ты в монастыре: начальник лагеря — это игумен, а все заключенные — это братья, насельники монастыря. Сигнал на работу — братия пошла на послушания, сигнал на обед — братия в трапезную пошла“. И мне стало совсем хорошо». Это письмо до сих пор где-то лежит в моих «архивах».*

Но один раз и батюшка приехал к нам в Шехмань — радость была неопишная!

Батюшка Серафим очень часто говорил: «Будь всегда с Богом, и Бог будет с тобой. А когда вас двое, кто Вам соперник?!» Безусловно, что все эти невзгоды не сломили дух доброго пастыря, и духовные чада не оставили отца Серафима. Особенно много к нему приезжало прихожан из Ячейки, которые за 11 лет успели привыкнуть к батюшке и полюбить его. Транспорт ходил плохо, приходилось

добираться пешком много километров, но любовь к батюшке была сильнее всех этих трудностей и неурядиц.

Когда батюшку перевели из Ячейки, на его место назначили нового иерея. В церкви тогда стояла икона Матери Божией «Взыскание погибших», — копия той, что находится в московском Богоявленском соборе. Богородица на ней была изображена с непокрытой головой, поэтому новый священник накрыл икону полотном, чтобы потом куда-нибудь убрать, сказав, что она «какая-то неправильная». Когда духовные чада рассказали отцу Серафиму, что новый священник за ненужностью завесил икону, батюшка произнес: «Раз он закрыл Матери Божией лик, то и его Матерь Божия самого прикроет». Спустя некоторое время священник этот разбился на мотоцикле.

Когда отца Серафима отправили в Девицы, он предсказал своим духовным детям: «Мы тут долго не будем», — и через девять месяцев его перевели на другой приход.

Рабе Божией Марии (монахине Миропии) батюшка предсказал закрытие Ячейской церкви во имя Архангела Михаила: «Машутка, ты сходи в Ячейку, помолись в тамошней церкви — она скоро ведь закроется», — через два-три года храм, действительно, закрыли.

Затем, на малое время, отца Серафима перевели в Бурдино. Батюшке было очень трудно там служить. Церковь стояла разоренная. Стены толстые и все были выщерблены. У входа прихожанам пришлось насыпать кучу песка, чтобы большие железные двери, через которые свободно врывался истер, на службе не ходили ходуном — храм продувался насквозь. Кроме того, что было очень холодно, батюшка еще жаловался на то, что в алтаре на него нападала какая-то тяжесть: «Под престолом будто какая-то нечисть замурована», — пояснял он. Батюшка чувствовал, что алтарь осквернен. Несколько лет спустя, когда на этот приход назначили отца Власия, и он начал восстанавливать бурдинский храм, из-под пола в алтаре вынули чуть ли не машину конского навоза — оказывается, в войну немцы устраивали там конюшню...

Добираясь до храма пешком в дождь, непрестанно служа в холоде, отец Серафим сильно простыл и слег. После этого его перевели в село Никольское, затем в Путятино.

Там его также поддерживали и навещали духовные чада. Приехала как-то из Сибири раба Божия Марфа со своей сестрой Екатериной. Побыли они на службе, благословились у батюшки и заспешили на автобус. А батюшка говорит им: «Не спешите. На какой-нибудь машине уедете». Они подумали: «Странно — почему на машине? Ведь скоро должен проехать автобус на Воронеж». Но автобус в тот раз не пошел, и добирались они, действительно, на попутной машине, удивляясь прозорливости батюшки...

Раиса, племянница отца Серафима рассказывала, как трудно там было жить:

— *Хлеба нам не давали, ведь мы считались вроде врагов народа. В Путятино жила инвалидка без рук. Я дам ей денег — она пойдет, купит кусочек хлебушка и принесет нам, а мы — батюшке. Сами одной картошкой питались, хлеба не видели...*

Несмотря ни на какие трудности, на батюшкином лице всегда лучилась добрая улыбка. Но он мог иногда как бы пронизать человека взглядом, обличить при всех.

— *О батюшке можно было бы рассказывать очень много, но трудно все вспомнить, — пишет протоиерей Николай Засыпкин. — Я сейчас очень жалею о том, что по своей оплошности не делал никаких записей о нем, а ведь была прекраснейшая возможность хотя бы какие-то заметочки оставлять после каждой поездки. Но в то время казалось,*

что все будет держаться в памяти и в записях нет никакой нужды. А сейчас уже очень многое стерлось: и даты, и факты.

Помню, очень любил батюшка кататься зимой на санках С горки. Очень! Любил играть в лапту. Но этого я сам уже не видел — это он при случае рассказывал...

Был он молитвенником великим — это я испытал на себе. И годы официального безбожия в нашей стране — трудные, с одной стороны — для меня были в то же время очень благодатными, потому что общение с такими людьми облегчало мне трудности. Приедешь, бывало, к нему — вопросов столько! А уезжаешь облегченный: все по полочкам разложит. Все делаешь, как благословит — и всегда все было хорошо.

Достоверно известно, что по милости Божией, батюшке было открыто время его кончины. Однажды отец Серафим сказал своим чадам: «Скоро два столба упадут». А наедине пояснил одной из сестер: «Меня не будет и отца Кукши (Одесского)».

Когда батюшку назначили в село Путятино, матушка Серафима предсказала: «Батек, это последний твой приход».

Отец Серафим и сам знал, что жить ему оставалось совсем немного — за год до своей смерти он шел по улице с послушником Иваном и вдруг, прервав разговор, немного помолчал и произнес: «Ванюшка, я через год отойду. Но ты не скорби — я и там буду помнить и молиться за вас. А вещи мои тогда раздайте...». На Ивана напал такой страх, такая скорбь, что он остановился, как вкопанный, не зная, что сказать. Батюшка, заметив это, сделал вид, что «заговаривается»: «Ой, да что ж это у меня так с головой плохо стало? Я не могу: так кружится!.. Ты не обращай внимания — это я просто так сказал... Ой, да что ж это у меня такое с головой?!» Умер батюшка ровно через год после своего предсказания.

Перед смертью батюшка заболел. Последнюю службу в Путятино он служил 25 июля 1964 года. Причастившись, вышел в тот день со Святыми Дарами на амвон, но причащать людей уже не смог и ушел обратно в алтарь. Чада повезли его в Воронеж — к отцу Николаю (Овчинникову). Тот был в это время уже иеромонахом Нектарием. Осмотрев больного, отец Нектарий сказал бодрым голосом: «Ну, батюшка, ничего — живи, сколько проживешь!» А потом, чтобы сказать чадам истинное положение вещей, под благовидным предлогом вывел отца Серафима из своего кабинета: «Вы бы с матушкой моей поговорили, а то она немного больная — падает все время». Батюшка слегка усмехнулся и вышел. Отец Нектарий произнес: «У Батюшки рак печени. Жить ему осталось 2—3 месяца».

Сначала батюшка находился в Воронеже, потом на короткое время его увезли в Пады. Там во время болезни к отцу Серафиму приходили и приезжали чада — проведать его.

Раз пришли рабы Божий Анна и Пелагея из Тишановки, а Раиса, племянница батюшки, не хотела пускать их к нему: «Нюра, батюшке тяжело...», — начала она. Но батюшке было открыто, что у них будут гости, и он закричал из комнаты: «Рая, ко мне тишанские пришли — ты открой, пусть они зайдут». Батюшка почти ничего не ел, только изредка пил молоко, приносимое заботливой соседкой... Спустя немного времени из Падов его снова перевезли в Воронеж. Цвет его лица был желто-зеленый — батюшка, что называется, «доходил». Приехав навестить отца Серафима и застав его в таком состоянии, раба Божия Екатерина не выдержала — подошла к большой Иверской иконе Матери Божией и заплакала. Батюшка, увидев это, сказал ей: «Не плачь, не скорби — Мать Божия вас не оставит: будут у вас молитвенники выше меня». После смерти батюшки семья Екатерины узнала

владыку Зиновия (Мажугу), владыку Исидора, владыку Курского Ювеналия, владыку Тверского Алексия... Господь и Матерь Божия, действительно, послали им молитвенников.

Отец Николай Засыпкин так описывает свои последние встречи с отцом Серафимом:

— *Больного мы его навещали дважды. В первый раз мы с дочерью, супругой и ее тетей приезжали на Успение в Задонск, здесь служил отец Власий. Там в то время гостила матушка Серафима из Мичуринска, и она благословила нас оттуда поехать навещать батюшку. Он весьма слабенький тогда был, но встретил нас очень приветливо. Мы переночевали у него и отправились домой.*

А во второй раз я посетил батюшку во время его болезни 14 октября 1964 года — на Покров. Ездил я один. Батюшка в то время уже лежал — совсем ослабел. Это была моя последняя встреча с ним. Он подарил мне тогда маленькую иконочку, частицы от гроба равноапостольной Нины и какую-то святыньку от Алексия, человека Божиего: «Пусть это будет на освящение всей вашей жизни». По его благословению я вделал эти частички в деревянный крестик и залил воском. Они и сейчас хранятся у нас...

За двадцать с лишним лет он предсказал, что я буду священником, хотя я в то время даже и не помышлял об этом. Мне было тогда (в 1964-м) 34 года. Батюшка произнес: «На склоне лет, но совершится». И вот в 1987 году 19 декабря я принял сан священника — сбылись его слова...

Больного отца Серафима навещали и другие его духовные чада. Одной из своих духовных дочерей он сказал: «Никто за вас здесь так молиться не будет. Но как здесь я за вас молился, так и там молиться буду». Семье, которая окормлялась у него, предрек: «Как мне вас жалко: будете бегать из угла в угол, а утешения не будете иметь, — а сам плакал. — Но если я обрету милость у Господа, то не оставлю вас». И после смерти батюшки эти чада долго не могли выбрать духовного наставника, не зная, кому отдать предпочтение: тому священнику или другому..., как и предсказывал батюшка — бегали из угла в угол.

Одной рабе Божией незадолго до смерти он рассказал: «Скоро я умру. Приходила Пречистая с тремя спутниками, — с кем — не сказал, — и спросила: „Ну, как ты хочешь, отец Серафим? Еще пожить или забрать тебя?“ От страха я молчал. Сказать: „Оставить пожить“ — вдруг не ко спасению, попросить смерти — страшно. Сказал: „Матерь Божия, на волю Божию полагаюсь, как Сам Господь управит“. И видение исчезло».

Она спрашивала батюшку, на кого он их оставит. Он, не задумываясь, отвечал: «На Царицу Небесную — Царице Небесной вас поручаю».

А когда ей уезжать надо было, он дал ей три рубля, а она и говорит ему: «Батюшка, батюшка, да зачем ты мне даешь три рубля денег?». Ну делать нечего, взяла она эти три рубля, приехала с ними домой и спрятала их, сама потом забыла, куда положила. Когда же пришло время и батюшка умер, прислали ей об этом телеграмму, а у нее денег ну совсем нет. Она чуть не в крик, а потом нашла эти три рубля, достала их и вспомнила, как батюшка сказал ей: «Они тебе еще пригодятся». И на эти три рубля она и поехала. Вспомнился и последний разговор с батюшкой. Она говорит: «Вот помрешь, батюшка, мы тебя и не поглядим, ты ж монах, тебя сразу закроют, и все». А он ей в ответ и говорит: «Эх, девка, на все Божия воля»... И вот когда вынесли гроб, ветерок как дунул, и открылся весь батюшка, и мы все духовные чада его и видели. Вот так батюшка все предсказал... Этот момент хорошо виден на одной из фотографий, сделанных при батюшкином погребении.

Когда Батюшка тяжело заболел, многие надеялись, что он еще выздоровеет. Но приехала матушка Серафима, взяла метлу и начала мести со словами: «Батьку дорожку разметаю! А коса-то уже висит!»

Духовные дети искренно и сердечно любили своего старца, постоянно старались хоть чем-то, пусть самым малым, его порадовать, обласкать и услужить ему. Раба Божия Наталья сделала для него маленький коврик из кусочков драпа и принесла, тихо положила у кровати отца Серафима. Стоявшая рядом сестра сказала ей: «Наташ, ну зачем это уже батюшке?» Та ответила: «Пусть, пусть хоть раз на мой коверчик встанет!» И тихо заплакала...

За несколько дней перед батюшкиной смертью пошла навестить его раба Божия Александра. Он в это время сказал своим келейницам: «Вымойте мне руки — я буду благословлять. Ко мне идет одна матушка». Проходит немного времени, и вот заходит... Александра! Все засмеялись: ожидали, что какая-то важная матушка придет. А батюшка, еще не видя, кто пришел, уже зовет ее по имени: «Иди сюда, Александра! Я ждал тебя». Благословил ее и много говорил для спасения души. Предсказал также, что ей будут завидовать, будут укорять за то, что ее будто больше всех любят. «А ты отвечай им: «И вас любят. А больше ничего не говори». Все сбылось в свое время. «Будут тебе большие искушения и скорби, — продолжал отец Серафим, — а ты переноси и говори: «Аще ополчится на мя полк, не убоится сердце мое». Александра заплакала: «Батюшка, как же мы будем без тебя?! Кто нас будет духовно окормлять?!» Он ответил: «Мой куст не будет пуст. Матерь Божия не оставит чад своих»...

Когда отец Серафим, прощаясь, благословлял всех в последний раз, то велел своей келейнице матери Паисии раздать все его вещи, все до последней, какие она только сможет найти, но вещей почти никаких не оказалось. Да и то, что отыскали, было простенькое, скромное, даже шерстяной одежды не обнаружили — рубчиковый подрясник да рубчиковая ряса.

Когда батюшка благословлял матушку Серафиму, приехавшую с ним попрощаться, то при этом слегка придержал ее руку. А она сказала ему в ответ: «Подожди, батек, не заberi меня — я еще нужна». Батюшка ничего на это не ответил и только закрыл глаза.

Перед смертью отец Серафим принял схиму с именем Митрофан в честь святителя Митрофана Воронежского. Кончина батюшки наступила 25 декабря 1964 года в 6 часов утра. Он ушел на 62-м году жизни. В ночь, когда батюшка умер, его племянница Раиса видела во сне, как он возносился на небо в полном облачении. Она глядела вслед ему, пока он не скрылся. Проснулась со слезами: «Оставил ты меня!..».

Замечательно, что отец Серафим и отец Кукша, имея сильную духовную любовь друг ко другу, еще до войны договорились отойти к Богу в один год. На самом же деле так и произошло. Преподобный Кукша преставился в 2 часа ночи 24 декабря 1964 года, а батюшка Серафим утром 25 декабря — в день памяти святителя Спиридона Тримифунтского.

Отпевали батюшку в Покровском кафедральном соборе в Воронеже, при стечении большого количества народа. Гроб, обитый черным материалом, всю ночь стоял в церкви, где непрестанно служились панихиды. Все время была живая очередь, чтобы подойти ко гробу, проститься. Те, кто не знал батюшку, недоумевали: «Да хоть он и священник, но ведь все умирают!.. Почему же все так плачут? И людей так много! Что же был это за человек?» Отпевали батюшку настоятель собора отец Михаил и диакон отец Петр. Настоятель умилялся необычайной искренности и самозабвенной любви народа к батюшке, а ведь при жизни отца Серафима отец Михаил подсмеивался над ним, считая его за человека недалекого.

Протоиерей Николай Засыпкин вспоминает:

— И вот пришла печальная весть. Приехал я в Воронеж, пришел на квартиру, где жил батюшка, — сказали, что его уже перевезли в Покровский храм. Я отправился туда. Народу в храме было очень много. Приехали батюшкины чада из разных мест, в том числе и из Мордово, матушка Серафима из Мичуринска, приехал отец Александр (Бородин) и отец Николай (Овчинников) — он тогда уже был в сани.

Всю ночь продолжались панихиды. На второй день мы получили известие, что отец Кукша тоже скончался.

Затем было отпевание очень торжественное и печальное. Потом батюшку повезли на место захоронения, но матушка Серафима не благословила меня ехать с телом до Михайловки, и я отправился домой.

Помню, ехал через Грязи — встретились мне там знакомые: «Николай Иванович, вы что — больны?!», — я несколько дней никак не мог прийти в себя. Не верилось, что батюшки нет, ведь ему было всего 62. Мне казалось, что я никогда не смогу уже быть в нормальном настроении, солнце больше светить для меня по-прежнему не будет — эта печаль и скорбь навсегда останутся в моем сердце.

Они и остались, но время лечит — все немножко забьлось, затушевалось, стерлось, может быть, по молитвам батюшки, потому что в таком состоянии, в котором я находился тогда, жить просто невозможно.

За свою жизнь батюшка сделал очень много: одних привел к Господу, других наставил на истинный путь, третьи приняли по его благословию священный сан... Мне кажется, молитва о нем идет постоянно, потому что те, кто его знал, кто видел его хотя бы один раз, никогда его не забудут. Это был человек особенный. Живые глаза, светлое лицо, быстрые движения, весь — энергия.

Похоронили батюшку по его завещанию в селе Михайловка, недалеко от церкви. Схимонахиня Евстратия рассказывала, что когда еще отец Серафим служил на приходе в Ячейке, приехали однажды к нему племянник и племянница. Собрались они с батюшкой ехать в родную деревню — Марьевку. Отец Серафим благословил отправиться с ними и матушку Евстратию.

— Приезжаем мы в Михайловку, — рассказывала матушка, — идем по кладбищу — по тому, где сейчас батюшка похоронен. А он и говорит племяннику: «Вася, ты меня будешь хоронить вот здесь», — и воткнул на том месте палочку, хворостиночку. Потом мы пошли в деревню, побыли там, а на обратном пути снова зашли на кладбище. Батюшка нам рассказал, где его отец и мать похоронены, где бабушка с дедушкой. Потом показал: «А вот тут лежит блаженный Ваня. Я в детстве к нему часто бегал. Он мне говорил: „Никитушка-Никитушка, когда мы с тобой помрем, таких больше не будет“... Прошло много лет, батюшка умер. А когда приехали в Михайловку копать могилку, хворостинка, поставленная им, стояла на том же самом месте нетронутой!

Могилу батюшки сделали в виде склепа, выложили кирпичом — тоже по его завещанию.

На сороковой день после смерти схиигумена Митрофана старице Михаиле было видение: открылось небо, и оттуда спустились отец Митрофан и отец Кукша. Поклонились ей до земли: «Матушка, мы пришли тебя проведать. Ты нас поминаешь — мы и пришли. Но долго мы с тобой не пробудем, нам

некогда — двести домов надо посетить», — это означало, что поминальная молитва творилась за них в тот день не менее, чем в двухстах домах.

Схимонахиня Алексия, будучи духовной дочерью батюшки, очень почитала его и всегда поминала, исправно внося его имя в заупокойные записки. Но однажды она подумала: «Мы батюшку и так без конца поминаем — не запишу его в этот раз: он и так во святых, ему на том свете хорошо. А запишу как я своих родных, какие с грехом жили...». И той же ночью является ей во сне батюшка со словами: «Что же ты меня не записала? Ведь я жду. Тут все — даже праведники ждут, когда их помянут, и радуются, когда их в записочках поминают». С тех пор она до самой своей смерти неопустительно писала имя батюшки в заупокойных записках.

Раба Божия Анастасия рассказывала, как на ее постриге, совершившемся спустя 10 лет после смерти отца Митрофана, присутствовал сам старец:

— *Как-то мы с духовными сестрами приехали к отцу Власию в Бурдино, а он и говорит: «Вам нужно принять постриг», — и начал нас готовить. Я думаю: «Живу с папой, мамой, приезжают к нам мои сестры с детьми — с ними ни молитвы, ни поста, ни креста! Какой тут постриг?» И мысленно прошу: «Батюшка Серафим, что мне делать?», — а он уже 10 лет, как умер. Перед постригом отец Власий говорит: «Берите благословение у всех». Я стала по очереди подходить к присутствующим для благословения и вдруг увидела, что среди них сидит батюшка Митрофан! Думаю: «Что делать?! У батюшки ведь тоже благословение надо взять!», — вся загорелась, забеспокоилась. А он машет мне рукой: мол, не подходи. Начался постриг. Священник говорит: «Ползи». Я вдруг так испугалась, заволновалась, руки затряслись. Ползу и вижу, что батюшка Митрофан машет мне рукой — зовет к нему.глянула, а на другой стороне сидит мать Серафима Мичуринская... Когда я доползла и священник сказал: «Поддай ножницы», — ни батюшки Митрофана, ни матушки Серафимы уже не было. Какие молитвенники из загробной жизни явились! Когда уже совершился, то отец Власий сказал: «На постриге присутствовали отец Митрофан и мать Серафима», — он тоже их видел...*

«... Все шли к нему, зная его искусное врачевание немощующих душою, — пишет в своих воспоминаниях схимонахиня Леонтия. — Сколько любви было у него ко всем, шли к нему со всех сторон, находя у него мудрый ответ; всех принимал сердобольно. Перед смертью я посетила его. Как он любил Бога и ближнего! Он шел с юности ровным царским путем. Сколько слез было пролито при расставании; на могилу его и зимой и летом идет народ.

... Годы изглаживают следы молодости на лице человека, но души не касаются. Это потому, что дух бессмертен и не знает старости».